

«РОДИТЕЛЬСКИЙ КРУЖОКЪ» при Педагогич. музеѣ в.-уч. зав. въ СПБ.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ II.

Семейныя отношенія и ихъ воспитательное значеніе.

А. Н. Острогорскаго.

Редакторъ П. Каптеревъ.
Завѣдыв. изданіемъ Алексѣй Альмедингенъ.
Адресъ редакціи: СПБ., Моховая, д. 1, кв. 6.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 іюля 1898 г.

I.

Натура и опытъ жизни.—Искусственные мѣры воспитанія и воспитаніе естественное.—Опытъ жизни начинается весьма рано и обнижаетъ всѣ людскія отношенія, которыя доступны наблюденію ребенка.

Отношенія человѣка къ другимъ людямъ въ извѣстной и, можетъ быть, значительной мѣрѣ опредѣляются его темпераментомъ или, какъ говорятъ, его натурой. Есть люди по натурѣ добрые, самолюбивые, гордые, властные, и часто они остаются такими до гробовой доски, не смотря на то, что жизнь даетъ уроки, которые должны бы были научить ихъ совсѣмъ иному отношенію къ людямъ. Добрый человѣкъ вѣрить въ добро и въ людей, не смотря на то, что его обманываютъ, что эгоизмъ и людская черствость эксплуатируютъ его, что на каждомъ шагу за добро ему платятъ зломъ. Горделивый высоко несетъ свою голову, не смотря на то, что судьба жестоко обсчитала его и поставила въ общественное положеніе, которымъ не приходится гордиться. Видя деспотизмъ окружающихъ, человѣкъ долженъ бы привыкнуть къ общему поклоненію, къ страху передъ нимъ, а онъ, благодаря своей натурѣ, вырастаетъ гуманнѣйшимъ человѣкомъ, возмущающимся насиліемъ и протестующимъ противъ униженія ближняго.

Но не одною натурою опредѣляются взаимныя отношенія людей. (Опытъ дѣйствительной жизни,) образованіе, чтеніе, размышленія могутъ вызвать въ человѣкѣ склонность относиться критически не только къ этой дѣйствительности, но и къ самому себѣ, и побуждать его дѣлать выборъ между внушеніемъ натуры и голосомъ опыта и разума. Въ своей натурѣ человѣкъ не властенъ, и потому мы не ставимъ ему

въ заслугу, что онъ отъ природы добръ, хотя намъ вовсе не безразлично, добръ или золь онъ по натурѣ; но мы цѣнимъ то употребленіе, какое онъ дѣлаетъ изъ этой натуры, потому что въ этомъ сказывается его работа надъ собою.

По общему представленію, воспитаніе и сводится къ борьбѣ съ натурою ребенка. Золь онъ—надо искоренять въ немъ злыя наклонности; неряха онъ, безпорядоченъ—надо приучать его къ опрятности и порядку; лживъ онъ—надо наказывать за каждую ложь. Ради этого перевоспитанія дурной натуры въ хорошую стараются внести въ сознаніе ребенка разные, сдерживающіе натуру, мотивы: страха, стыда, боли и пр. Понятно, что родителямъ, въ виду такой задачи, приходится прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ мѣрамъ, изобрѣтать средства для воздѣйствія на ребенка, и такъ какъ выборъ ихъ не великъ, то придумывать варіаціи на однѣ и тѣ же, въ сущности, темы и часто, послѣ многихъ неудачъ, разочарованій и огорченій, видѣть, что всѣ труды ихъ ушли безплодно, что дурной ребенокъ не исправляется, а иногда и прямо становится все невыносимѣе и хуже.

Мы уже сказали, что хорошихъ обыкновенно и не воспытаваютъ. Ихъ оставляютъ въ покоѣ, имъ предоставляютъ расти *естественнымъ образомъ*. И они вырастаютъ духовно; ихъ хорошая натура дѣлается богаче, устойчивѣе, сознательнѣе. Это обстоятельство никоимъ образомъ не должно быть пропущено нами безъ вниманія.

Самовоспитаніе, которому мы предоставляемъ хорошихъ по натурѣ дѣтей, можетъ быть объяснено тѣмъ, что дѣтскій психическій организмъ въ самую раннюю пору дѣтства уже обладаетъ основами всѣхъ тѣхъ силъ, какія онъ проявляетъ въ зрѣломъ своемъ состояніи. Если мы представимъ себѣ, что взрослые люди рѣшились бы не дѣлать ничего для развитія и обогащенія умственныхъ силъ растущаго среди нихъ ребенка, то послѣдній все же наблюдалъ бы совершающее вокругъ него, сравнивалъ новыя впечатлѣнія со старыми, дѣлалъ бы выводы и обобщенія, вырабатывалъ бы понятія и принципы, словомъ, жилъ бы духовно

такъ же, какъ живутъ и воспитанные и образованные люди. Его выводы и сужденія могутъ оказаться невѣрными, его обобщенія—неправильными, потому что онъ сдѣлалъ ихъ изъ двухъ—трехъ фактовъ, обманулся, увидя причинную связь тамъ, гдѣ ее нѣтъ, и пр. Но все же онъ наблюдалъ, думалъ, усваивалъ себѣ знанія. Если вмѣсто такого совершенно заброшеннаго и одинокаго субъекта мы возьмемъ людей, стоящихъ въ условіяхъ, обычныхъ для большинства, т. е. грамотныхъ, кое-чему учившихся, привыкшихъ бесѣдовать и толковать, то навѣрное, прислушавшись къ ихъ мыслямъ, взглядамъ, убѣжденіямъ, вы замѣтите въ нихъ и разумность, и основательность, а главное—твердость. Твердость эта объясняется тѣмъ, что эти духовныя пріобрѣтенія совершались естественнымъ, органическимъ путемъ, что онѣ выношены и претворены и составляютъ благопріобрѣтенную собственность человѣка.

Эта работа составляетъ проявленіе нашего духовнаго организма, она совершается непрерывно, часто непроизвольно. Ее всегда приходится имѣть въ виду, когда желаешь имѣть вѣрное представленіе о содержаніи убѣжденій, служащихъ человѣку руководствомъ въ его жизни. При воспитаніи дѣтей часто случается, что наша мораль, усовѣщеванія, наказанія—производятъ совсѣмъ не то дѣйствіе, на которое мы рассчитывали, потому что у дѣтей, передъ которыми мы расточаемъ свое краснорѣчіе, идетъ своя работа мысли. Вмѣсто того, чтобы вникать въ смыслъ нашихъ словъ, они думаютъ о томъ, какъ мы несправедливы къ нимъ, виня ихъ въ томъ-то, обижаются на наше жесткое слово, незаслуженный упрекъ, недовѣріе къ нимъ и т. п. Словомъ, они различаютъ слова, которыя мы произносимъ, отъ тѣхъ дѣйствительныхъ отношеній, въ какія мы къ нимъ становимся, и послѣднія говорятъ имъ краснорѣчивѣе, убѣдительнѣе первыхъ.

Такъ какъ тему настоящей брошюры составляетъ воспитательное значеніе отношеній людей, связанныхъ въ семью, то мы и имѣемъ въ виду собрать здѣсь наблюденія, которыя

даетъ намъ семья, и сдѣлать изъ нихъ выводы. Мы будемъ говорить только объ отношеніяхъ взрослыхъ между собою и къ дѣтямъ, причисляя сюда же няню и другую прислугу. Отецъ и мать—члены семьи постоянные, связанные между собою и съ дѣтьми особаго рода узами; прислуга—члены случайные, временные; но рѣдкая семья обходится безъ прислуги и вовсе не рѣдко она играетъ въ жизни дѣтей болѣе или менѣе значительную роль; да наконецъ и свойство отношеній къ прислугѣ отца съ матерью дѣлаютъ на дѣтей впечатлѣніе. Поэтому обходить прислугу, говоря о семейныхъ отношеніяхъ, не приходится. Что касается отношеній дѣтей между собою, то о нихъ предполагается говорить особо. Въ настоящей брошюрѣ мы очертимъ ихъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что мысли и интересы дѣтей отнюдь не ограничиваются тѣми рамками, какія мы воображаемъ, предполагая, что ихъ міръ—это дѣтская и сверстники. Они интересуются взрослыми, ищутъ ихъ общества, по своему наблюдаютъ ихъ, предъявляютъ къ нимъ свои требованія и судятъ ихъ. Конечно, ихъ запросы и интересы дѣтскіе, ихъ сужденія—дѣтскія, но они существуютъ, и рядомъ съ индивидуальными чертами, здѣсь, какъ увидимъ, можно подмѣтить и нѣчто общее. Наблюденія дѣтей касаются не только характеровъ и отношеній, непосредственно затрогивающихъ ихъ интересы, но захватываютъ область гораздо шире. Имъ, какъ увидимъ, есть дѣло до того, какъ живутъ между собою отецъ съ матерью, какое занимаетъ общественное положеніе отецъ, любимы ли и уважаемы ли родители и проч. Жизнь взрослыхъ членовъ семьи кладетъ свои отпечатки въ ихъ сознаніи гораздо раньше, чѣмъ они начинаютъ отдавать себѣ отчетъ, что у нихъ уже сложились привычки, потребности, вкусы, готовые представленія и сознаніе. Психическій организмъ воспринимаетъ впечатлѣнія и перерабатываетъ ихъ, часто незамѣтно для самого субъекта, и копить умственное достояніе, которое позже приводится имъ къ ясности и убѣдительности.

Родители воспитываютъ, а дѣти воспитываются тою семейною жизнью, какая складывается намѣренно или ненамѣренно. Семья можетъ жить дружно, относиться дружелюбно и къ чужимъ людямъ,—но можетъ и ссориться, злобствовать, проявлять черствость, недоброжелательство не только къ постороннимъ, но и къ своимъ близкимъ. Семья можетъ жить духовными интересами, любить чтеніе, музыку, картины или цѣликомъ уйти въ дразги, хозяйственную сутолоку, заботы о копѣйкѣ. Въ семьѣ можетъ быть и порядокъ, и безтолочь. Жизнь, та или иная, семьи тѣмъ и сильна, что впечатлѣнія ея постоянны, обыденны, что она дѣйствуетъ незамѣтно, укрѣпляетъ или отравляетъ духъ человѣческій, какъ воздухъ, которымъ мы дышемъ, укрѣпляетъ или отравляетъ нашъ физическій организмъ. Нельзя сказать, что въ барской семьѣ всегда и всѣ дѣти вырастаютъ бари, въ семьѣ доброй—добрыми, и т. д.; бываетъ нерѣдко, что дѣти вырастаютъ со складомъ, какъ разъ обратнымъ тому, какой долженъ бы получиться, еслибы семья нислѣбно засасывала. Но, во первыхъ, и у самыхъ горячихъ протестантовъ всегда замѣчаются слѣды того, что дѣтство было проведено ими именно въ такой средѣ, противъ которой они протестуютъ, что служить для нихъ источникомъ противорѣчій, непоследовательности, недовольства собою, а во вторыхъ—семейныя впечатлѣнія служатъ почти единственнымъ источникомъ чувствъ и мыслей въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ наиболѣе воспріимчивъ и дѣлаетъ пріобрѣтенія на всю жизнь. Это самая ранняя и самая вліятельная пища, которою питается духъ человѣческій.

Въ настоящемъ выпускѣ Энциклопедіи мы не предполагаемъ говорить сколько-нибудь обстоятельно о тѣхъ воспитательныхъ мѣрахъ, которыя мы признали искусственными. Ограничимся лишь замѣчаніемъ, что вполне избѣгать ихъ едва ли можно, да едва ли и нужно.

Искусственное воспитаніе часто отвергается въ самомъ принципѣ. Понятно, что воспитывать можно только во имя какого либо идеала, въ силу стремленія склонить или заста-

вить ребенка поступать такъ, а не иначе, усвоить извѣстные привычки и воззрѣнія. Но справедливо указываютъ, что мы не имѣемъ права насиловать человѣка и навязывать ему нашъ идеалъ, такъ какъ и мы можемъ ошибаться и считать идеаломъ то, что вовсе не должно быть ставимо на пьедесталъ, да и нашему питомцу предстоитъ жить, можетъ быть, въ другихъ условіяхъ, въ иное время. Указываютъ, кромѣ того, что натура человѣка намѣчается весьма рано и что всѣ наши благія мѣры къ тому, чтобъ переломить натуру, сдѣлать человѣка тѣмъ или инымъ, по нашему плану, ни къ чему не приводятъ.

Съ этими замѣчаніями слѣдуетъ считаться во всякомъ случаѣ, особенно, когда рѣчь идетъ о такой крупной претензіи, какъ дать человѣку опредѣленный обликъ. Кажется, можно уже признать безспорнымъ, что всего цѣлесообразнѣе въ воспитаніи довѣрять натурѣ и, наблюдая, изучая ее, помогать естественному росту ея силъ. Воспитаніе не только не сдѣлаетъ меня музыкантомъ, поэтомъ, геометромъ, если я родился не талантливой натурой, но не переработаетъ сангвиника въ меланхолика или Чичикова въ Фауста.

Если, однако, ставить искусственныя воспитательныя мѣры въ болѣе тѣсныя рамки, то едва ли представится возможность совершенно обойтись безъ нихъ. Вѣдь каждый приказъ матери есть искусственная мѣра, а можетъ ли она не требовать, чтобъ ребенокъ не валялся утромъ въ постели, зная, что это ведетъ къ онанизму, чтобъ онъ не обижалъ младшихъ, не дурачился за-столомъ, и т. п. Должна-ли она приучить дѣтей садиться за столъ въ опредѣленное время, а не ѣсть походя и т. п.

Примемъ, наконецъ, во вниманіе, что нравственныя требованія, которыя предъявляются дѣтямъ до-школьнаго возраста, всѣ почти самаго элементарнаго свойства и независимы отъ общественнаго положенія семьи и временныхъ социальныхъ теченій: не лги, держи слово, будь аккуратенъ, не капризничай, береги вещи и проч.

Вопросъ не въ томъ, чтобъ совершенно избѣжать искус-

ственного воспитанія, а въ томъ, чтобъ оно не приняло боевого характера, чтобъ оно не обезличивало и не ломало, чтобъ подчиненіе ребенка родителямъ сложилось *естественно*, само собою, въ силу того, что ребенокъ и самъ предрасположенъ довѣряться авторитету матери.

Но мирный характеръ искусственное воспитаніе всего легче принимаетъ тогда, когда семья сильна своимъ естественнымъ влияніемъ, когда она хорошо настроена и живетъ разумною, сердечною жизнью. Хорошая семейная атмосфера обыкновенно и дѣтей настраиваетъ хорошо. *Здѣсь искусственное воспитаніе* утрачиваетъ свой рѣзкій, надуманный характеръ, не прибѣгаетъ ни къ какимъ необычнымъ, экстраординарнымъ мѣрамъ, *принимаетъ характеръ естественный*. Дѣти не дрессируются, а живутъ въ семьѣ, окруженные и заботой, и контролемъ любящей матери, которая можетъ соединить въ своемъ сердцѣ и любовь, и нравственную требовательность въ той мѣрѣ, какая можетъ быть допущена въ отношеніи къ дѣтямъ. Эту нравственную требовательность мы считаемъ достоинствомъ въ каждомъ человѣкѣ и не считаемъ возможнымъ сдѣлать исключеніе для матери. Возмущеніе и осужденіе дурного поступка есть естественное послѣдствіе нравственной крѣпости человѣка, и мать можетъ проявляться въ этомъ смыслѣ относительно дѣтей своихъ вполне естественно. Искусственнымъ оно будетъ только тогда, когда оно будетъ вызвано не убѣжденіемъ, а мыслью о необходимости морализировать съ дѣтьми.

II.

Ради дѣтей намъ необходимо наблюдать за собою.

Казалось бы, изъ всѣхъ союзовъ общественныхъ семейному всего легче принять характеръ союза, отъ котораго члены его только выигрываютъ. Онъ составляется добровольно, по свободному выбору, скрѣпляется общностью интересовъ, вкусовъ, потребностей. Развращающему столь

многихъ принципу „борьбы за существованіе“ здѣсь не должно бы быть мѣста. Мужу не должно бы быть тѣсно отъ сосѣдства жены, и наоборотъ. Жизнь, въ извѣстной мѣрѣ, можно устроить по своему вкусу и въ ней находить отдыхъ отъ заботъ, обидъ, неудачъ общественной жизни. „Съ хорошею женою горе—полгоре, а радость вдвойнѣ“, говоритъ пословица.

Къ сожалѣнію, идеальныя семьи встрѣчаются рѣдко.

Морализировать на эту тему мы не будемъ. Въ лицахъ, читающихъ сочиненія педагогическаго содержанія—мы предполагаемъ сознаніе обязанностей взрослыхъ по отношенію къ дѣтямъ, а посему и не считаемъ нужнымъ доказывать ихъ; но и желающій исполнить свои обязанности къ дѣтямъ можетъ ошибаться, не вникать въ тѣ впечатлѣнія, какія мы производимъ на нихъ. Наблюдать за собою отнюдь не легко, почему въ предлагаемой брошюрѣ мы приводимъ нѣкоторые наблюденія, касающіяся той сферы, которая поставлена въ заголовкѣ нашей брошюры. Скажемъ лишь, что каждый разъ, когда мы, родители, сдерживаемъ въ себѣ какое-нибудь дурное побужденіе *ради дѣтей*, мы исполняемъ только свою обязанность. Дѣти навѣрное замѣтятъ, хотя въ дѣтствѣ можетъ быть и не формулируютъ ясно, эту работу родителей надъ собою, оцѣнять ее и привыкнуть—сперва изъ подражанія, потомъ по убѣжденію—управлять собою, сдерживать себя въ дурномъ, а это одно изъ крупныхъ пріобрѣтеній воспитанія.

III.

Складъ прежней семейной жизни.—Измѣненія въ общественной жизни вызвали перемѣны и въ семейной жизни.—Разныя интересы и «свое счастье».—Появленіе въ семьѣ «третьяго лица».—Дѣтскія впечатлѣнія.

Складъ семейной жизни въ культурныхъ слояхъ нашего общества значительно измѣнился за послѣднія 40—50 лѣтъ. Въ прежней семейной жизни, какъ замѣчаетъ князь П. А. Вяземскій, было „болѣе домосѣдства въ жизни родителей, менѣе суетности“; о патріархальности и простотѣ семейныхъ

отношеній часто упоминается въ біографіяхъ еще живыхъ, или недавно умершихъ дѣятелей, какъ Ѳ. Достоевскаго и др. Утро отцовъ уходило на службу или другія дѣла; вечеръ, послѣ обѣда, посвящался семьѣ. Родители часто сами учили своихъ дѣтей начаткамъ ученія, дочери помогали матери въ ея хозяйскихъ хлопотахъ и въ уходѣ за младшими, къ обѣду и чаю собиралась вся семья, велись общіе разговоры; шли дѣти играть на дворъ, за ними нерѣдко шелъ и отецъ, чтобъ принять участіе въ лаптѣ, спусканіи змѣя и т. п. Многимъ это даетъ поводъ утверждать, что прежняя жизнь была лучше; но не въ этомъ дѣло; напомнили мы о прежнемъ складѣ семейной жизни единственно для того, чтобы отмѣтить, что дѣти прежде больше пользовались обществомъ своихъ родителей, что семейный кругъ жилъ тѣснѣе, одною общою жизнью. Измѣнились условія общественной жизни, измѣнилась и жизнь семейная. Прокормить и поднять на ноги семью стало труднѣе; поневолѣ приходится работать больше, посвящать работѣ часть времени, которое наши предки отдавали семьѣ. Естественно, что усталые, а иной разъ разбитые отцы ворочаются въ семью для отдыха приходятъ раздраженные и вовсе не склонные поблагодарствовать съ ребятами. Созрѣла общественная дѣятельность, и кромѣ труда изъ-за куска хлѣба многіе изъ насъ несутъ массу труда общественнаго, дарового. Жизнь стала хлопотливѣе, нервнѣе, напряженнѣе. Опять-таки естественно хочется развлечься, сѣздить въ театръ, на лекцію, въ концертъ. Съ другой стороны, тревожитъ и будущее дѣтей. Надо дать образованіе, хорошенько подготовить ребенка къ экзамену, потому что пріемные экзамены стали труднѣе (мѣстъ не хватаетъ, отказываютъ и удовлетворительно подготовленнымъ); объ учебныхъ занятіяхъ надо начинать думать раньше и готовить со специалистомъ, который зналъ бы, что требуютъ на экзаменахъ въ такомъ то заведеніи. Отдали дѣтей въ школу, новыя усложненія въ семейной жизни. Учащемуся надо дать уголь или даже особую комнату, чтобъ другія дѣти не мѣшали ему заниматься: зубрить, исполнять

письменную работу и проч. Идиллія, въ которой за однимъ общимъ столомъ отецъ читаетъ, мать шьетъ что-нибудь, дѣти рисуютъ или мастерятъ себѣ игрушки изъ старой коробки и т. п. домашнихъ матеріаловъ, стала невозможною. Собрать за чайнымъ столомъ всю семью тоже стало невозможно: одному члену семьи нужно на засѣданіе, другой уходитъ заниматься съ товарищемъ, третій идетъ въ гимназію на литературную бесѣду или на сѣигровку оркестра. Словомъ, жизнь тянетъ изъ семьи, оставляетъ семейнымъ связямъ и интересамъ сравнительно съ другими меньшее мѣсто и значеніе. Ничего нѣтъ мудренаго, что при этихъ условіяхъ у каждаго члена семьи—и прежде всего у отца съ матерью—являются свои интересы, свое общество, свои избранники и друзья, свое счастье. Повторяемъ, нѣтъ нужды морализировать, не въ чемъ упрекнуть ни родителей, ни дѣтей; просто надо признать, что жизнь сильно измѣнилась и въ результатѣ—общенія родителей съ дѣтьми стало меньше, оно осталось возможно главнымъ образомъ въ ранніе годы дѣтства, а позже, лѣтъ уже съ 10—12, дѣти подвергаются обильнымъ внѣшнимъ, внѣ семейнымъ вліяніямъ, и очень важный періодъ перехода ихъ въ юношескій возрастъ часто ускользаетъ отъ вниманія и наблюденія родителей. Стать поближе къ дѣтямъ, пока они малы, мы еще можемъ; позже это уже труднѣе, и здѣсь чаще могутъ случаться всякіе сюрпризы въ видѣ дурныхъ знакомствъ, образованія стремленій и вкусовъ, неодобряемыхъ нами, и пр. Эти сюрпризы, потому и возможны, что жизнь нашихъ дѣтей протекаетъ внѣ тѣснаго общенія съ семьей, что мы за-частую живемъ съ ними вмѣстѣ только внѣшнимъ образомъ, не зная большею частью, что у нихъ творится въ душѣ, чѣмъ они интересуются, чѣмъ живутъ.

У каждаго есть своя жизнь, корни которой внѣ семьи.

Выводъ отсюда, мнѣ кажется, таковъ, что, и помимо указаній психологіи о важности впечатлѣній первыхъ годовъ жизни, они, эти впечатлѣнія, заслуживаютъ нашего серьезнаго вниманія потому, что періодъ ранняго дѣтства, по усло-

віямъ современной жизни, представляется единственнымъ временемъ, когда наши отношенія къ дѣтямъ являются ближе и полнѣе всего воспитываютъ ихъ, когда вліяніе наше на нихъ оказывается цѣльнѣе (позже мы дѣлимъ его съ другими). Безспорно, что въ хорошихъ семьяхъ оно продолжается существовать и позже, но всегда можно ожидать, что оно ослабѣетъ, вслѣдствіе непредвидимо сложившихся обстоятельствъ, и во всякомъ случаѣ оно составляетъ продуктъ того, что пріобрѣтено нами раньше.

Мы предполагали хорошую семью, но тамъ, гдѣ есть какіе-нибудь внутренніе нелады, семья, благодаря своей распычатости, даетъ такія трещины, которыя замѣтны и для дѣтей, а тѣмъ болѣе для юношей.

Герой одной повѣсти, пріѣхавъ въ родительскій домъ послѣ 2—3 лѣтъ отлучки, увидѣлъ, что отецъ съ матерью хотя и живутъ вмѣстѣ, но „заняты каждый своею отдѣльною жизнью, своимъ особымъ счастьемъ“. Свои впечатлѣнія отъ этой семейной жизни онъ выразилъ такъ: „Это не семья, а какія-то меблированныя комнаты, гдѣ случайные сосѣди сходятся за завтракомъ и обѣдомъ. Причемъ мы (дѣти) здѣсь? Какое положеніе мы занимаемъ?“ И затѣмъ прибавляетъ: „И зачѣмъ насъ столько лѣтъ обманывали?.. Нѣтъ, ужъ если семьи не было, то должны были съ малыхъ лѣтъ приучать насъ къ этой мысли. По крайней мѣрѣ, не сентиментальничалъ бы, не летѣлъ бы на крыльяхъ любви для того, чтобы узнать, что отецъ мой содержитъ опереточную пѣвицу, а въ спальнѣ моей матери распоряжается г. Будзинскій...“

Молодой человѣкъ, обиженный и раздраженный несбывшеюся мечтою пробыть въ семьѣ, выражается рѣзко и цинично. Ему досадно на свою сентиментальность, но эта сентиментальность вовсе не порокъ неискушеннаго жизнью юноши, а общее и естественное чувство дѣтей всѣхъ возрастовъ, даже весьма раннихъ. Дѣти, начавъ свою жизнь вполнѣ беспомощными существами, такъ много получаютъ отъ родителей, что послѣдніе естественно порождаютъ въ

нихъ чувства благодарности, любви и своего рода гордости своими отцомъ и матерью. Не только самъ по себѣ уходъ, помощь, забота родителей, но и участіе, и ласка ихъ играютъ въ этомъ роль. Дѣти, рано осиротѣвшія или почему либо другому лишившіяся отца или матери, часто позже, въ зрѣлыя годы, чувствуютъ горечь, тоску отъ отсутствія въ ихъ воспоминаніяхъ памяти о родительской ласкѣ, семейныхъ радостяхъ, неиспытанныхъ сыновнихъ чувствахъ и т. п. Наоборотъ, испытавшіе счастье, которое дается'сколько-нибудь хорошою семейною жизнью, вспоминаютъ, что они, дѣтьми, считали мать красавицею, необыкновенно доброю, а отца—умнымъ, умѣлымъ и т. п., хотя въ то время, когда вспоминаютъ это, они могутъ уже сказать, что въ дѣйствительности мать вовсе не была красавицей, а отецъ былъ не болѣе, какъ неглубокій человѣкъ. Эта иллюзія дѣтства свидѣтельствуетъ о потребности этого возраста, проявляющейся притомъ очень рано, видѣть въ тѣхъ, кто имъ въ это время всѣхъ дороже, всевозможныя качества, какія ихъ воображеніе можетъ рисовать имъ. Они всегда любятъ тѣхъ, кто любить и уважаетъ ихъ родителей. И когда родители дѣйствительно обладаютъ крупными достоинствами, и дѣтямъ приходится видѣть выраженія благодарности или уваженія къ ихъ родителямъ, это почти всегда производитъ на нихъ впечатлѣніе, остающееся на всю жизнь и нерѣдко опредѣляющее характеръ жизни и дѣятельности сына.

Въ тѣхъ семейныхъ неладахъ, которые образуются, когда между мужемъ и женою является третье лицо, особенно близкое тому или другому, точно также обнаруживается потребность дѣтей въ любви и ласкѣ и смутно сознаваемые ими права на отца и мать. Пока дѣти въ томъ возрастѣ, когда они не понимаютъ, въ чемъ дѣло, они все же относятся къ этому третьему лицу враждебно, какъ къ нарушителю ихъ правъ, отнимающему у нихъ то, что принадлежитъ имъ: время, любовь, заботы о нихъ того или иного родителя. Позже, они являются либо судьями, либо несчастными людьми. Въ дѣтяхъ и юношахъ сказывается весьма сильная

потребность видѣть родителей существами нравственно-чистыми. Бывали случаи, что молодые люди рѣшались на самоубійство, узнавъ, что они были незаконными дѣтьми и что на матери ихъ лежитъ пятно. Мы знаемъ случай самоубійства по этому побужденію, совершенный въ весьма раннемъ возрастѣ (11—12 лѣтъ). Сынъ нѣжно любилъ мать; когда онъ поступилъ въ гимназію, товарищи безцеремонно сообщили ему репутацію его матери. Онъ присмотрѣлся, увидѣлъ то, чего прежде не замѣчалъ, понялъ то, чего не понималъ, и не вынесъ мукъ сознанія, что его любимая мама—дурная женщина съ весьма незавидной репутаціей.

Современные беллетристы нерѣдко рисуютъ намъ картины совсѣмъ иного впечатлѣнія, производимаго на дѣтей существованіемъ у ихъ родителей любовниковъ и любовницъ. Они разсуждаютъ такъ по поводу того, что отецъ завелъ себѣ нѣмку: „мать—больная, нервная; отцу съ ней тоскливо. Не будь этой—другая бы явилась... Она же такая умная и все понимающая, красивая, свѣжая и нарядная. Что-жъ! Отцу можно только позавидовать! Эта нѣмка—умная и съ тактомъ; нечего и говорить. Она не желаетъ вмѣшиваться не въ свое дѣло“. Есть, пишутъ, такія дѣвушки, что хоть „трава не расти, только бы имъ послаще жилось. Не то, что отцы, а матери ихъ—легкаго поведенія, и онѣ отлично понимаютъ, кто изъ друзей дома находится съ матерью въ близкихъ отношеніяхъ. А онѣ отъ такихъ друзей конфеты, да подарки принимаютъ“.

Кому случалось слышать устные рассказы о такого рода настроеніяхъ среди юношей, тому эти сообщенія беллетристовъ не покажутся преувеличенными или исключительными. Понятно, что распушенность общества должна притуплять чувствительность юношества къ проявленіямъ ея въ своей семьѣ. Но тѣмъ не менѣе все же слѣдуетъ признать, что, одновременно съ одною крайностью—безразличіемъ, можетъ существовать другая—болѣзненная чувствительность къ добродушію имени отца и матери, приводящая къ самоубійству, когда оно загрязнено, и между этими двумя крайностями

располагаются тысячи градаций. Дѣти могутъ проявляться весьма различно въ подобныхъ случаяхъ, въ зависимости отъ своего темперамента, отъ обстоятельствъ, вызвавшихъ расколъ семьи и пр. Но для насъ интересно то, что и эти равнодушные, заразившіеся своимъ равнодушіемъ отъ окружающей среды, обыкновенно обнаруживаютъ пробужденіе въ нихъ потребности къ добру имени ихъ родителей, когда находится человѣкъ, безцеремонно будящій ихъ чувство.

IV.

Семейные нелады.—Дѣтство Лермонтова, Жуковского, Корфа.

Мы уже сказали, что семьи рѣдко представляютъ союзъ въ такой мѣрѣ дружественный, какимъ рисуется онъ въ идеалѣ. На это въ каждомъ частномъ случаѣ есть свои причины, и говорить о нихъ здѣсь намъ вовсе нѣтъ надобности, такъ какъ наша задача состоитъ только въ томъ, чтобы подмѣтить и указать то вліяніе, какое оказываютъ всякаго рода семейные нелады на дѣтей. Чтобы говорить о фактахъ, доступныхъ общему наблюденію и обсужденію, мы будемъ ссылаться на біографіи, ставшія уже общимъ достояніемъ. Но изъ этихъ фактовъ мы возьмемъ прежде всего тѣ, въ которыхъ интересующія насъ явленія выразились въ болѣе рѣзкихъ формахъ. Обозрѣвъ эти факты, намъ легче будетъ перейти къ явленіямъ болѣе обыденнымъ.

Вспомнимъ дѣтство М. Ю. Лермонтова.

Дѣтство свое онъ провелъ у бабушки Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой. Матери онъ лишился рано, когда ему было 2 года 4 мѣсяца; отецъ вскорѣ послѣ ея смерти уѣхалъ, оставивъ ребенка на попеченіе бабушки. Потомъ онъ не разъ пріѣзжалъ къ Арсеньевой, но всегда не надолго. Онъ былъ нежеланный гость, и пріѣздъ его всегда вызывалъ рядъ враждебныхъ мѣръ, о которыхъ не могъ не знать сынъ. Вражда бабушки Лермонтова съ его отцомъ началась вскорѣ же послѣ замужества ея дочери. Въ характерѣ отца было

дѣйствительно много тяжелаго, и обращеніе его съ женою не могло не возмущать тещи. Мужъ и жена сильно не ладили между собою, но жили вмѣстѣ; когда же мать Лермонтова умерла, отцу не было резона жить съ тещею, и онъ уѣхалъ. Перенеся любовь къ дочери на внука, Арсеньева вся отда-лась заботамъ о внукѣ, шла на всякія жертвы для его обра-зованія и развлеченія и всегда боялась, что отецъ захочетъ взять къ себѣ сына и лишитъ ее единственной, оставшейся ей, отрады жизни. Дѣйствительно, не разъ отецъ заводилъ рѣчь о томъ, что пора сыну перейти къ нему, но бабушка каждый разъ успѣвала отстоять внука. Оба они, однако, любили мальчика и повидимому оберегали его отъ зрѣлища ссоръ, обоюдныхъ упрековъ и пр. Между тѣмъ въ мальчикѣ съ годами просыпались сыновнія чувства: онъ вспоминалъ мать, ея пѣсни надъ его колыбелью, привязывался къ отцу и тяготился, видя, что его бѣдный отецъ не пользуется ува-женіемъ и расположеніемъ въ богатой, аристократической семьѣ бабушки. При одномъ изъ пріѣздовъ ссора достигла крайнихъ предѣловъ, обѣ стороны одинаково обращались къ юношѣ (тогда лѣтъ 16), черня въ глазахъ его против-ника и предлагая ему рѣшить, оставаться ли ему у бабушки или уѣхать съ отцомъ. Лермонтовъ хотѣлъ было уѣхать, но бабушка стала упрекать его въ неблагодарности, грозила, что лишитъ наслѣдства, и наконецъ залилась слезами. Эти слезы рѣшили дѣло. Лермонтовъ почувствовалъ, что онъ не правъ, отнимая послѣднюю опору у старухи, которой онъ обязанъ за уходъ въ дѣтствѣ, воспитаніе, средства къ жизни, и онъ рѣшилъ остаться у нея. Этотъ случай произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Вызванный стать судьей между бабушкою и отцомъ, онъ не въ силахъ былъ справиться съ этою задачею. Оба были ему дороги, обоихъ онъ горячо любилъ, а ему надо было судить ихъ. Въ раннихъ его про-изведеніяхъ остались слѣды пережитыхъ имъ тогда тяже-лыхъ раздумій. Для насъ эти произведенія интересны именно, какъ свидѣтельство, во первыхъ, сильнаго впечатлѣнія, про-изведеннаго на него необходимостью стать судьей близкихъ

ему лицъ и долгихъ, неотвязныхъ и непосильныхъ попытокъ разобраться въ важномъ для него вопросѣ: кто же не правъ: бабушка или отецъ? Во вторыхъ, какъ выраженіе сознанія, — что онъ не справился съ ролью судьи, что онъ сталъ противъ отца, и въ немъ сильно заговорило желаніе оправдать отца; явилось идеализированіе его, такъ какъ въ дѣйствительности онъ имѣлъ весьма крупные недостатки.

Биографы Лермонтова замѣчаютъ, что этотъ эпизодъ непосильной и тяжелой работы, заданной ему неладомъ близкихъ его сердцу людей, отразился на его характерѣ. „Онъ ушелъ въ себя... Явилось въ немъ что-то надломленное. Съ одной стороны жажда любви, сочувствія, съ другой — недо-вѣріе къ счастью и къ людям“, говоритъ П. Висковатовъ. Другой биографъ, Н. Котляревскій, замѣчаетъ: „нѣтъ сомнѣнія, что ненормальное положеніе въ семьѣ не по годамъ старило ребенка. Оно вырывало изъ его юности цѣлую страницу жизни, лишило его семьи въ строгомъ смыслѣ слова, не дало развиваться въ немъ цѣлому ряду чувствъ, которыя могли бы помѣшать развитію въ поэтѣ излишней склонности къ меланхоліи, излишнимъ думамъ надъ своимъ одиночествомъ, надъ горькой участью отца, несчастіемъ матери и многими другими вопросами, слишкомъ трудными, а потому вредными для дѣтскаго ума“.

Катастрофа съ Лермонтовымъ случилась на 16 году. Нельзя сказать, чтобы она раскрыла ему глаза. Ею онъ только былъ поставленъ въ необходимость перейти въ активное состояніе, выбрать рѣшеніе и поступить такъ или иначе. По всему видно, что самые нелады онъ замѣчалъ раньше и огорчался ими. Большинство изъ насъ предполагаетъ, что дѣтямъ недоступны такія явленія, какъ отношенія между собою взрослыхъ. Такое предположеніе можетъ быть и справедливо, если разумѣть полноту пониманія, но оно не вѣрно, если разумѣть наблюденія и ближайшіе изъ нихъ выводы. Одинъ изъ нашихъ русскихъ писателей, передъ которымъ рано раскрылись нелады между его родителями, замѣчаетъ по этому поводу: „Дѣти вообще проницательнѣе, нежели

думаютъ; они быстро разсѣиваются, на время забываютъ, что ихъ поразило, но упорно возвращаются, особенно ко всему таинственному или страшному и допытываются съ удивительною настойчивостью и ловкостью до истины". Между его отцомъ и матерью часто происходили сцены. Мальчикъ не разъ былъ свидѣтелемъ ихъ, но считалъ ихъ естественными. Онъ привыкъ, что въ домѣ всѣ боялись отца, что онъ всѣмъ дѣлалъ замѣчанія; мать просто не составляла исключенія. Между тѣмъ прислуга безъ памяти любила мать и осуждала отца. Однажды мальчикъ услышалъ замѣчаніе няни, высказанное ею въ бесѣдѣ съ гувернанткой, что мать давно бы уѣхала на родину, да удерживаетъ ребенка. Эти слова запали въ душу мальчика. „Однажды настороженный, я въ нѣсколько недѣль, говорить онъ, узналъ всѣ подробности о встрѣчѣ моего отца съ моею матерью, о бѣгствѣ ея изъ родительскаго дома и проч. Все это я узналъ, ни разу не сдѣлавъ никому ни одного вопроса“. Сцены, которыя прежде казались въ порядкѣ вещей, теперь получили иное освѣщеніе. „Мысль, что доля всего выноится за меня, завлакивала иной разъ темнымъ и тяжелымъ облакомъ свѣтлую дѣтскую фантазію. Вторая мысль, укоренившаяся во мнѣ съ того времени, состояла въ томъ, что я гораздо меньше завишу отъ моего отца, нежели вообще дѣти. Эта самобытность, которую я самъ себѣ выдумалъ, прибавляетъ онъ, мнѣ нравилась“.

Есть нѣкоторая аналогія съ рассказаннымъ о дѣтствѣ Лермонтова и въ обстоятельствахъ дѣтства Василія Андреевича Жуковскаго. Онъ былъ сынъ турчанки Сальхи, принявшей православіе и имя Елизаветы Дементьевны, и А. Н. Бунина, въ семьѣ котораго она служила прислугой. А. Бунинъ уговорилъ Андрея Григорьевича Жуковскаго быть воспріемникомъ его незаконнаго ребенка и усыновить его, но взялъ его на воспитаніе въ свою семью. Здѣсь Жуковскаго, какъ и Лермонтова въ дѣтствѣ, окружало матерьяльное благосостояніе, любовь и забота объ его воспитаніи. По свидѣтельству Зейдлица, „съ самой нѣжной юности В.

А. наслаждался счастьемъ любить и быть любимымъ“. Семья Буниныхъ состояла исключительно изъ дочерей, среди прислуги было множество женщинъ. Онъ былъ общій любимецъ и баловникъ, вся женская фаланга охотно повиновалась ему, особенно въ играхъ и шалостяхъ, на которыя онъ былъ изобрѣтателемъ. Жуковский, единственный въ домѣ мальчикъ, ставилъ своихъ подругъ во фронтъ, заставлялъ маршировать и защищать укрѣпленія, а при случаѣ наказывалъ непокорныхъ линейкой и сажалъ подъ арестъ между креслами. Словомъ, дѣтство его можно причислить къ счастливымъ. Но, какъ Лермонтову пришлось страдать за униженіе отца, такъ и Жуковскому пришлось страдать за мать. Мальчикъ сильно баловался среди множества прислуги; одной только Елизаветѣ Дементьевнѣ онъ безсознательно давалъ право бранить и журить себя за шалости. Она была только служанкой и развѣ только изрѣдка, украдкой могла расточать материнскія ласки отнятому у нея ребенку. Зналъ ли онъ въ дѣтствѣ, что это его мать, или позже узналъ это, но повидимому, не смотря на ласку и баловство онъ уже тогда чувствовалъ ненормальность своего положенія въ семьѣ. Уже будучи 30-лѣтъ онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „то, что называется семейною жизнью, мнѣ незнакомо. Я не успѣлъ быть сыномъ моей матери; въ то время, когда я началъ чувствовать счастье сыновняго достоинства, она меня оставила. Я думалъ отдать права ея другой матери ¹⁾, но эта другая мать дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, а отдалена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ. Семейнаго счастья для меня не было, всякое чувство надо было стѣснять въ глубинѣ души“.

Добавимъ къ предшествующимъ картинкамъ еще одну.

Теплымъ словомъ поминаетъ баронъ Н. А. Корфъ своего отца за его любовь къ нему. Онъ былъ „первымъ, вызвавшимъ во мнѣ чувство любви, говоритъ онъ, чувство, которое свойственно человѣку, но можетъ проявить себя,

¹⁾ Екат. Аеон. Протасовой, дочери Аеон. Иван. Бунина.

возникнуть для нашего наблюденія, зародиться тамъ только, гдѣ его питаютъ“. „Отецъ посадить меня, бывало, на колѣни и, всматриваясь въ меня своими добрыми глазами, говорить: Коля, кто твой другъ?—Ты, отвѣчаю я, бывало. Такъ сиживали мы вдвоемъ, когда мнѣ не было еще 6-лѣтъ. Такъ сиживали мы съ покойнымъ батюшкой, когда мнѣ было уже лѣтъ десять“. Корфъ рано лишился матери; ему не было 2 лѣтъ, когда отецъ женился вторично. Домашняя жизнь при мачехѣ приняла такой складъ, при которомъ любви между отцомъ и сыномъ невольно сообщился активный характеръ: „и мнѣ, и прислугѣ, говоритъ Корфъ, въ равной мѣрѣ приходилось страдать отъ домашнихъ невзгодъ, которыхъ не могъ предотвратить отецъ, но отъ которыхъ онъ старался всячески защищать насъ“. Прислуга жалѣла мальчика, какъ сиротку, ихъ сближала, кромѣ того, одинаковая участь и общая забота: терпѣть, по возможности, чтобы не огорчать отца и не подводить его подъ гнѣвъ, если онъ станетъ защищать ихъ“. Прислуга считала барина святымъ и это отношеніе къ отцу умиляло мальчика. Онъ очень рано сталъ мечтать о томъ, какъ и его, Богъ дастъ, полюбить крестьяне, когда наступитъ его очередь распоряжаться. Кончилось тѣмъ, что отецъ, ради покоя и счастья сына, на 6 году отдалъ его на воспитаніе теткѣ. Сперва онъ видѣлся съ нимъ, а съ 10 лѣтъ началось ученіе и прекратились свиданія отца съ сыномъ. Разставшись съ отцомъ 10 лѣтъ, Корфъ увидѣлъ его уже старикомъ въ параличѣ.

Въ приведенныхъ выше случаяхъ семейныя нелады опредѣлялись замѣною матери другимъ лицомъ (бабушки, мачехи или исключительнымъ положеніемъ матери, какъ у Жуковскаго). Семья была ненормальная, и это давало возможность неладамъ выразиться въ особенно рѣзкой формѣ и произвести на дѣтей усиленное впечатлѣніе. Благодаря такому болѣе сильному впечатлѣнію, болѣе ярко обнаруживается существующая въ дѣтяхъ потребность семьи и связанныхъ съ нею заботъ и ласки, чувства въ дѣтяхъ своего рода правъ на родителей и затѣмъ стремленіе ихъ

не только любить, но и уважать родителей, видѣть въ нихъ разныя совершенства, если нужно—даже идеализировать ихъ. Эта потребность чувствуется дѣтьми, конечно, и въ нормальной по составу семьѣ, когда есть на лицо и отецъ и мать.

Но чтобы семья могла быть признана нормальною, мало, чтобы въ ней были на лицо отецъ и мать; надо, чтобы и ихъ взаимныя отношенія соответствовали идеѣ этого интимнѣйшаго изъ людскихъ союзовъ и не заключали въ себѣ ничего, что оскорбляло бы чувства дѣтей. Имъ одинаково нужны и дороги и отецъ и мать, и надо, чтобы они видѣли и чувствовали взаимную любовь и уваженіе родителей. Если нѣтъ этого уваженія, нѣтъ дружественныхъ отношеній, то въ чемъ бы это не выразилось, дѣти чутко подмѣтятъ, что между отцомъ и матерью что-то не ладно, и легко могутъ придти къ вопросу, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Извѣстно, что и взрослые обыкновенно не берутся быть судьями между мужемъ и женою, до такой степени трудно разбираться въ причинахъ бывающихъ между ними недоразумѣній. Тѣмъ болѣе непосилень этотъ вопросъ для дѣтей; но мало того, что онъ непосилень, онъ для нихъ вопросъ жгучій, тяжелый. Конечно, и дѣти, какъ взрослые, бываютъ разныя, но, кажется, можно признать скорѣе правиломъ, чѣмъ исключеніемъ, что дѣти чувствуютъ потребность любить своихъ родителей, видѣть въ нихъ хорошихъ людей и что для нихъ отнюдь не легко убѣждаться въ томъ, что отецъ или мать—дурной человѣкъ, что отецъ можетъ обижать мать, или наоборотъ, видѣть, что одинъ изъ родителей бранится, другой—плачетъ и т. п. Читая біографіи, мы не разъ встрѣчались съ упоминаніемъ, что не только ссоры родителей, но и ихъ равнодушіе къ дѣтямъ вызывало въ послѣднихъ чувство одиночества, холода, чувство, которое въ свое время не осмысливалось, а выражалось въ исканіи привязанностей на сторонѣ, напр. у прислуги, или въ ранемъ пристрастіи къ чтенію, а потомъ осмысливалось и вызывало горькое воспоминаніе. Не разъ также мы встрѣчались съ выраженіемъ

сыновней любви, не смотря на дурное отношеніе къ дѣтямъ отца или матери, на ихъ несправедливость, жестокость, обиды. Все это говоритъ за то, что нелады между отцомъ и матерью касаются не ихъ однихъ, а имѣютъ значеніе и для дѣтей, которымъ приходится быть отнюдь не свидѣтелями только этихъ неладовъ, а заинтересованною стороною, притомъ заинтересованно весьма сильно.

V.

Совмѣстная работа родителей.—Раздѣленіе труда.

Не только современная, но и вообще семейная жизнь сложилась съ давнихъ поръ такъ, что родительскія обязанности дѣлятся между отцомъ и матерью, и притомъ дѣлятся не равномѣрно. Важнѣйшія заботы по уходу за дѣтьми и первоначальному воспитанію дѣтей ложатся на мать, какъ потому, что она въ состояніи отдать дѣтямъ больше времени, чѣмъ отецъ, такъ и потому, что по традиціямъ она больше привыкла къ этому, а по натурѣ можетъ внести въ это больше нѣжности, мягкости, ласки и внимательности. Этимъ близкимъ участіемъ матери въ жизни дѣтей въ ихъ раннемъ возрастѣ опредѣляется и нравственное ея вліяніе на нихъ въ эти первые ихъ годы.

Съ годами, однако, значеніе этого непосредственнаго ухода утрачиваетъ первенствующую роль. Дѣти начинаютъ становиться самостоятельнѣе, нѣсколько опредѣляются, продолжая нуждаться въ помощи родителей и взрослыхъ, но ищутъ уже не исключительно матерьяльной поддержки.

Они хотятъ слышать сказочки, они любятъ поговорить, пораспросить, сами рассказать что-нибудь, выступаютъ на сцену игры и занятія. Дѣти индивидуализируются. У однихъ являются вкусы и потребности, которые лучше удовлетворяетъ отецъ, чѣмъ мать, у другихъ — наоборотъ. По немногу дѣти приобрѣтаютъ черты, свойственныя полу. Намѣчаются характеры: усидчивые, вдум-

чивые или непосѣды и живые, спокойные и впечатлительные, забіяки и смиренныя. И опять таки на однихъ лучше вліяетъ отецъ, на другихъ мать, потому что во всѣхъ такого рода услугахъ дѣтямъ сказывается натура, складъ, характеръ взрослого, которые не могутъ быть одинаковы у отца и матери. Если брать во вниманіе только время, то мать по прежнему отдаетъ имъ больше времени; что касается существа дѣла, то вліяніе отца можетъ быть и одинаково и больше материнскаго, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ дѣтей, хотя онъ и меньше бываетъ съ ними, чѣмъ мать. Вопросъ тутъ уже не въ количествѣ времени, а въ качествѣ вліянія, которое опредѣляется многими причинами, лежащими въ личныхъ свойствахъ человѣка. Болѣе сильный можетъ дать духовную пищу ребенку, которая будетъ за-полнять его и въ то время, когда онъ предоставленъ себѣ.

Это раздѣленіе вліянія между отцомъ и матерью есть явленіе естественное. Никто не можетъ дать больше того, что онъ дать можетъ. На него не приходится сѣтовать, противъ него не приходится бороться, его надо утилизировать. Ни ревности, ни огорченію тутъ не должно быть мѣста, во первыхъ, потому что эти чувства неумѣстны, когда явленіе естественно, а во вторыхъ, они неизбѣжно повлекутъ за собою нелады, хотя бы и въ скромной мѣрѣ, которые вызовутъ вопросъ: кто же правъ—отецъ или мать. Главное же, дѣтское сердце вполне способно вмѣстить любовь и къ отцу, и къ матери, хотя бы его и тянуло въ одну сторону сильнѣе, чѣмъ въ другую. На долю болѣе слабой стороны все же останется достаточно. Бороться противъ этого явленія значило бы желать болѣе сильное вліяніе замѣнить болѣе слабымъ; выгоднѣе его утилизировать. Утилизировать же можно лишь при условіи взаимной поддержки, взаимной помощи, такъ, чтобы болѣе успѣшнѣе дѣйствующій могъ принести возможно большую пользу, а менѣе вліятельный все же не занималъ бы относительно дѣтей неподобающаго мѣста.

Но поддержка эта не должна выражаться въ признаніи

за однимъ изъ родителей положенія своего рода „старшаго“. „Вотъ погоди, придетъ отецъ (или мать), расскажу я, какъ ты набѣдокурилъ, задастъ онъ тебѣ“. Такими словами выражается слабость, прячущаяся за чужую спину. Въ глазахъ дѣтей родители должны быть равны, оба хороши, каждый по-своему. Пусть дѣти знаютъ, что родители живутъ дружно и оба интересуются дѣтьми, любятъ ихъ и желаютъ имъ добра. Естественно, что если ребенокъ набѣдокурилъ безъ матери, но при отцѣ, мать все равно будетъ знать объ этомъ, потому что отецъ ей расскажетъ. Но это будетъ не жалоба, не аппеляція къ старшему, а простое сообщеніе. И то, что сдѣлалъ одинъ, того не долженъ передѣлывать другой. Мальчикъ нашалилъ, его остановили, и этимъ эпизодъ исчерпанъ. Возвращаться къ нему не стоитъ. Если, по мнѣнію одного родителя, другой родитель сдѣлалъ ошибку, обнаружилъ слабость, то объ этомъ можно переговорить между собою, не вынося своего разногласія на позорище дѣтей. Родитель, передѣлывающій дѣло другого по своему, даже не всегда роняетъ авторитетъ этого другого, а часто достигаетъ противоположнаго результата—вызываетъ критику своихъ дѣйствій, которая иногда можетъ служить и къ его невыгодѣ.

Мы указывали уже, что причины раздѣленія вліянія на дѣтей между родителями многообразны, что онѣ лежатъ въ натурѣ и характерѣ тѣхъ и другихъ. Но изо всѣхъ этихъ причинъ всего виднѣе обнаруживается, какъ намъ кажется, половое различіе. Часто замѣчается естественное тяготѣніе дочерей къ матерямъ, а сыновей къ отцамъ, и во всякомъ случаѣ дочь любитъ мать иначе, чѣмъ отца, и сынъ любитъ отца иначе, чѣмъ мать. Въ болѣе поздніе года, когда подростки уже начинаютъ заглядывать во внѣ семейную жизнь, строить идеалы своей будущей дѣятельности, чувствуютъ въ себѣ зарожденіе призванія, это намѣчается еще болѣе рѣзко. Сынъ всегда ожидаетъ, что его лучше пойметъ отецъ, а дочь—что мать. И въ этомъ есть свое основаніе.

Намъ припоминается давняя бесѣда съ одною матерью, имѣвшею нѣсколько человѣкъ дѣтей. „Мать, говорила она,

должна воспитывать своихъ дѣтей, и сыновей, и дочерей, пока они малолѣтки. Но когда сыновья приходятъ въ возрастъ, ихъ тянетъ къ отцу больше, чѣмъ къ матери, и мать должна по немногу сдавать бразды правленія надъ сыновьями отцу. Правду сказать, мы не всегда и понимаемъ васъ: по нашему, по женскому, выходитъ такъ, а по мужскому—не такъ. И оно понятно. Сыновьямъ предстоитъ общественное дѣло. Мы наблюдаемъ его на мужѣ, на братьяхъ, на другихъ мужчинахъ, а вы работаете, у васъ кругъ наблюдений шире. Вамъ это дѣло ближе, оно для васъ—свое. И мать, коли не хочетъ потерять свой авторитетъ въ глазахъ сыновей, должна прямо сказать въ иныхъ случаяхъ сыну: посоветуйся съ отцомъ“.

Мать, сообщившая намъ эти свои мысли, къ которымъ ее привелъ ея личный опытъ, принадлежитъ къ поколѣнью, уже сошедшему со сцены. Многія современныя женщины сами на себѣ испытали общественную службу, но изъ нихъ далеко не всѣ матери. Между матерями же, по прежнему, немного такихъ, которыя были бы знакомы съ общественною дѣятельностью больше, чѣмъ по наслышкѣ или по наблюдению ея со стороны. Доля правды въ словахъ нашей почтенной собесѣдницы остается и для нашего времени, для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, матерей.

Само собою разумѣется, что та же осторожность и воздержность обязательна въ иныхъ случаяхъ и для отцовъ, когда имъ приходится раздумывать о житейской судьбѣ своихъ дочерей. Голосъ матери тутъ часто можетъ оказаться авторитетнѣе, потому что онъ будетъ понятнѣе.

Напомнимъ, что здѣсь рѣчь идетъ о разныхъ рѣшающихъ судьбу дѣтей вопросахъ. Пока дѣти въ дошкольномъ возрастѣ, такіе вопросы едва ли могутъ и возникать. Но мы все же заговорили о нихъ здѣсь потому, что въ дѣтской жизни нѣтъ рѣзкихъ переломовъ и обыкновенно то, чему предстоитъ совершиться въ далекомъ будущемъ, намѣчается гораздо раньше въ едва замѣтныхъ очертаніяхъ.

Изъ сказаннаго нами читателю ясно, что нашъ идеаль—

совмѣстная работа обоихъ родителей дѣтей, что въ интересахъ ея, этой совмѣстной работы, мы высказались за то, что не слѣдуетъ давать мѣста ревности, когда мать видитъ, что отецъ оказывается болѣе ея вліятельнымъ лицомъ. Конечно, и на оборотъ. Въ послѣднее время приходится слышать и читать совсѣмъ о другомъ.

Матери нерѣдко жалуются, что отцы вполне устраняются отъ воспитанія дѣтей, сваливая всю заботу о нихъ на мать, что съ ними нѣкогда и переговорить о дѣтяхъ, потому что разговоры этого рода ихъ вовсе не интересуютъ и они, отдохнувъ отъ своихъ профессиональных трудовъ, спѣшатъ въ клубъ или въ другое мѣсто, считая, что ихъ отцовскія обязанности исчерпываются заботою о заработкѣ средствъ, необходимыхъ для содержанія семьи и воспитанія дѣтей. Само собою разумѣется, что такое положеніе отца въ семьѣ и несправедливо, и неестественно. Несправедливо относительно матери потому, что весь трудъ воспитанія дѣтей ложится на мать, тогда какъ она имѣетъ право на помощь и совѣтъ въ трудныхъ или вызывающихъ сомнѣніе случаяхъ; воспитаніе дѣтей вѣдь и есть тотъ первѣйшій общій интересъ, который служитъ связующимъ цементомъ семьи. Несправедливо относительно дѣтей, потому что лишаетъ ихъ вліянія отца, на которое они имѣютъ право. Но такое положеніе и неестественно потому, что дѣти эти—его дѣти, а даже животныя любятъ свое потомство и не только кормятъ его, но и играютъ съ нимъ, и учатъ его. Отчужденіе отца отъ своихъ дѣтей не въ натурѣ человѣка, и причинъ его надо искать во внѣ. Едва ли можно искать ихъ въ общихъ условіяхъ жизни, потому что такое притупленіе отцовскаго чувства вовсе не такъ распространено, какъ бы должно быть, еслибъ причины были общія. Вѣроятно, что въ каждомъ частномъ случаѣ есть свои частныя причины, опредѣлить которыя наблюдателю со стороны не всегда представляется возможнымъ. Намъ кажется, что во всякомъ случаѣ тутъ должна быть хоть небольшая трещинка въ семейныхъ отношеніяхъ, что тутъ уже образовалась рознь интересовъ.

Обращаясь къ жалующимся матерямъ, можно спросить ихъ: не ушли ли вы въ мелочи, которыя важны въ вашихъ глазахъ и не серьезны въ глазахъ отца, не слишкомъ ли вы страстно стоите за свои взгляды, такъ что отецъ, поспоривъ разъ другой, махнулъ рукою и сказалъ: а управляйся сама, какъ знаешь; были ли вы сами внимательны къ заботамъ и тревогамъ мужа, которыя вызывались его дѣятельностью внѣ дома? Обращаясь къ отцамъ, на которыхъ жалуются матери, можно спросить ихъ: ваша жена, конечно, прекрасная жена и мудрая воспитательница вашихъ дѣтей; вы ей вполне довѣряете, но вѣдь она ищетъ вашего совѣта, желаетъ хотя бы обмѣна мыслей,—вправдѣ ли вы отказать ей въ этомъ? Не лукавите ли вы сами съ собой, прячась за довѣріе къ талантамъ жены? Можетъ быть, вы просто считаете, что воспитаніе дѣтей, выражаясь грубо—дѣло бабье, а не мужское. Не задаемъ другихъ вопросовъ, потому что плохо понимаемъ, какія серьезныя причины могутъ превратить отца въ простаго кормильца, добычника средствъ для семьи.

VI.

Дѣти не главные, а равноправные члены семьи.

Наблюдая отношенія родителей къ дѣтямъ, приходится, между множествомъ различныхъ оттѣнковъ, какіе они могутъ принимать, выдѣлить двѣ крайности, между которыми они размѣщаются. Такими крайностями являются: или постановка дѣтей въ самый центръ семейной жизни, или, наоборотъ,—на крайнюю ея периферію. Въ первомъ случаѣ дѣти ставятся во всемъ на первый планъ: имъ отводятся лучшія комнаты, съ ихъ нуждами соображается время; затѣмъ, въ ихъ воспитаніи ставится выше всего принципъ ихъ самостоятельности и въ угоду имъ, съ большою уступчивостью и даже предупредительностью, взрослые дѣлаютъ все возможное, чтобъ дѣти не чувствовали стѣсненій своему индивидуальному развитію. Изъ такихъ дѣтей весьма часто,

можетъ быть въ большинствѣ случаевъ, вырастаютъ баловники, эгоисты, натуры неуравновѣшенныя и неустойчивыя. Психіатры нерѣдко констатируютъ среди своихъ пациентовъ слѣды такого балующаго воспитанія. Мы знаемъ нѣсколько семей, гдѣ начинали съ того, что давали дѣтямъ расти на полной волѣ, чтобъ не стѣснять ихъ самостоятельности, а впослѣдствіи пользовались каждымъ предлогомъ, чтобъ уйти изъ дому отъ содома, который стоялъ въ немъ. Очевидно, что, выдвигая дѣтей на первый планъ, родители не сходятъ на второй планъ, какъ думаютъ, а приходятъ къ тому, что имъ совсѣмъ нѣтъ мѣста въ семьѣ. Ни отдохнуть, ни почитать, ни заняться—нельзя. Нерѣдко родителямъ приходится разочаровываться въ своей системѣ воспитанія позже, когда дѣти уже вырастаютъ, потому что тогда вполне обнаруживается, до какой степени ихъ питомцы дрянны, непривычны къ труду, себялюбивы, нестойки при встрѣчаемыхъ препятствіяхъ и проч. Во второмъ случаѣ дѣти часто вырастаютъ самостоятельными, выносливыми, но точно также могутъ воспринять и дурныя вліянія или своимъ умомъ дойти до выводовъ ошибочныхъ или вредныхъ.

Понятно, что норма отношеній къ взрослымъ не въ этихъ крайностяхъ, ибо онѣ односторонни, представляя исключительное развитіе одного изъ двухъ основныхъ факторовъ воспитанія, которое создается взаимодѣйствіемъ ихъ обоихъ, а именно: натуры ребенка и вліянія на него окружающаго общества.

Въ натурѣ ребенка лежатъ силы, благодаря дѣйствію которыхъ онъ растетъ не только физически, но и духовно. Онъ чувствуетъ, наблюдаетъ, обобщаетъ и классифицируетъ свои наблюденія, мыслить, ищетъ удовлетворенія своихъ потребностей, пробуетъ и упражняетъ свои силы, и, благодаря этому, на каждой ступени его развитія, у него есть свои мысли, свои вкусы, свой темпераментъ и характеръ. Воспитывается онъ самъ, своими силами, воспитывается неизбежно, шагъ за шагомъ приобрѣтая и копя содержаніе своего я.

Но, понятно, что если счастливая натура способна самовоспитаться весьма цѣннымъ образомъ, то масса, сѣрая масса можетъ идти медленно, съ трудомъ и мученьемъ тамъ, гдѣ можно пройти легко и скоро, сбиться съ дороги и придти къ мыслямъ неправильнымъ, вкусамъ вреднымъ. Самоучка будетъ мыслить, можетъ быть, и правильно, но ему будетъ недоставать фактовъ, знаній, и выводы его будутъ ложны, односторонни, узки. Этимъ опредѣляется задача помощи и вліянія взрослыхъ.

Мать *учитъ* ребенка їсть: она сперва кормитъ его съ ложки, потомъ учитъ держать ложку, попадать въ ротъ, придерживать тарелку и проч. Она выбираетъ ему пищу. Отъ нея онъ научается говорить, перенимаетъ отъ нея языкъ, т. е. усваиваетъ отъ нея условное значеніе звуковъ, начальную этимологию и синтаксисъ. Она учитъ его писать. Она даетъ пищу его уму и воображенію, читая, рассказывая, показывая картинки; этимъ путемъ она не только даетъ работу его силамъ, но и обогащаетъ запасъ его личнаго опыта и наблюдений.—Страшно много въ первые годы пріобрѣтаетъ ребенокъ знаній, умѣній, навыковъ и пріобрѣтаетъ, благодаря общенію со взрослыми людьми и большею частью то, что теперь или позже нужно ему, какъ средства для общенія съ людьми вообще.

Начальную роль въ этого рода пріобрѣтеніяхъ играетъ съ одной стороны—подражаніе, съ другой—показъ, примѣръ; но за первымъ, внѣшнимъ толчкомъ слѣдуетъ у ребенка внутренняя переработка. Онъ учится писать, подражательно воспроизводить буквы, и въ то же время вырабатываетъ почеркъ, въ которомъ есть уже нѣчто индивидуальное. Когда ребенку читаютъ, ему нравится одно больше другого. У него образуется своя манера говорить, рассказывать, думать, своя походка, свои вкусы, свой темпераментъ. Нѣтъ никакой нужды и совершенно бесполезно пытаться сгладить эту индивидуальность и какъ-бы то ни было насиловать натуру.

Но не одно это пріобрѣтаетъ ребенокъ при общеніи со взрослыми: оно расширяетъ его нравственный кругозоръ,

Само собой разумѣется; что общеніе съ людьми вообще, т. е. включая сюда и сверстниковъ-малолѣтокъ, и прислугу, и семейныхъ гостей, и случайно встрѣчаемыхъ людей непременно вносить нѣчто въ его нравственный міръ. При этихъ сношеніяхъ онъ можетъ привыкать быть правдивымъ, уступчивымъ или назойливымъ, цѣнить или нѣтъ собственность свою и чужую, дружелюбно помогать или бороться за себя и свое и пр. Научается этому онъ и отъ своихъ родителей, наравнѣ, а вѣрнѣе больше, чѣмъ отъ кого либо. Но роль родителей въ этой сферѣ иная, чѣмъ другихъ: отъ нихъ по преимуществу можно требовать благого назиданія. Дѣло въ томъ, что человѣку предстоитъ жить и работать въ обществѣ; здѣсь взрослый находитъ удовлетвореніе своихъ наиболѣе высокихъ потребностей, и одиночество, замкнутость въ себя рѣдко кѣмъ добровольно выбирается себѣ въ удѣлъ. Человѣкъ ищетъ друзей, заводитъ свою семью, бережетъ на себя общественную дѣятельность, чувствуетъ себя гражданиномъ своей родины. Это общеніе взрослого со взрослыми даетъ человѣку права, но и налагаетъ на него обязанности, требуетъ отъ него жертвъ, обязываетъ искать примиренія своихъ правъ съ правами другихъ, умѣть управлять своими желаніями. Человѣкъ постепенно учится общежитію, и путь этотъ представляетъ такую перспективу, которая совершенно недоступна ребенку. Естественно, что онъ начинаетъ съ проявленія своихъ потребностей, вкусовъ, желаній, но онъ уже въ дѣтской долженъ начать учиться уважать права другихъ и не все дѣлать, что ему захочется. У дѣтей часто является желаніе играть игрушкою, которую только что взяли поиграть братъ или сестра, и если ему не даютъ ее, то онъ очень склоненъ отнять ее. Если онъ старше и сильнѣе, то онъ отниметъ, встрѣтя, можетъ быть, не отпоръ, а слезы, и никакого назиданія для себя не извлечетъ изъ этого. Дать почувствовать ему, что онъ не правъ, надо будетъ кому-нибудь изъ взрослыхъ: матери, отцу, нянѣ. Это не значить, что для вразумленія его надо будетъ наказывать его, но это указываетъ, что родителямъ нужно имѣть авто-

ритеть, чтобы за ними признавалось право вразумленія, право сказать слово, котораго надо послушаться.

Вопросъ приученія къ общежитію весьма важенъ, и имъ опредѣляется нормальный строй семьи. Дѣти въ семьѣ не первый и не послѣдній номеръ, а такіе же члены ея, какъ и всѣ остальные, но малолѣтніе. Жизнь семьи общая. У взрослыхъ есть свои права, есть они и у дѣтей; у взрослыхъ есть обязанности, и у дѣтей онѣ есть, посильныя, соотвѣтствующія ихъ возрасту, но есть. Когда дѣти легли спать, въ дѣтской не шумятъ; но когда работаетъ отецъ, то дѣти не входятъ къ нему, чтобъ не помѣшать. Взрослые берегутъ свои вещи, и дѣти должны стараться беречь ихъ. День расписанъ, и дѣти должны обѣдать во-время, гулять и спать ложиться во-время. Они приучаются въ семьѣ къ порядку, труду, дружелюбію, правдивости и честности, и это достигается тѣмъ легче и прочнѣе, чѣмъ жизнь взрослыхъ складывается разумнѣе, любовнѣе, проще, носитъ болѣе трудовой характеръ.

Предыдущія соображенія мы привели съ тою цѣлью, чтобы показать, что какъ есть права взрослыхъ, такъ есть и права дѣтей, и что въ нормальной семьѣ тѣ и другіе равно соблюдаютъ. Хорошіе люди признаютъ права дѣтства (хотя, можетъ быть, и не всегда правильно понимаютъ, въ чемъ они заключаются). Вопросъ только въ томъ, признаютъ ли они въ принципѣ, что дѣтямъ должно быть дано все, что имъ по праву слѣдуетъ, или только возможное, и до какихъ предѣловъ они готовы жертвовать своими правами въ пользу дѣтей. Мы имѣли въ виду показать, что рѣшеніе вопроса, хотя бы и въ принципѣ, въ томъ смыслѣ, что должно быть дано все, страдаетъ односторонностью, ибо ребенокъ не только индивидуумъ, но и членъ общества, состоящаго изъ сверстниковъ, родныхъ, прислуги. Какъ бы элементарны ни были его общественныя отношенія, но они есть, и развитіе его социальныхъ свойствъ только и возможно при опытѣ отношеній и къ дѣтямъ, и къ взрослымъ. Если онъ, живя въ условіяхъ, которыя частію создаются въ интересахъ

взрослыхъ, теряетъ въ одномъ, то онъ выигрываетъ въ другомъ.

Въ дѣйствительной жизни дать дѣтямъ все, что имъ надо и что хотѣлось бы дать, далеко не всегда и не вѣсѣмъ возможно. Для многихъ родителей составляетъ сущее горе сознавать невозможность устроить дѣтей, какъ должно, и они, неся много жертвъ, все же видятъ, что дѣтямъ приходится жить не по дѣтски. Хотѣлось бы дать дѣтямъ сухую, свѣтлую и теплую комнату, да гдѣ сыщешь квартиру, которая удовлетворяла бы даже скромнымъ гигиеническимъ требованіямъ. Надо бы предоставить имъ просторъ, чтобъ было гдѣ поиграть и побѣгать, да приходится тѣсниться: нѣтъ средствъ имѣть квартиру, въ которой были бы комнаты, а не клѣтушки. Необходимо выводить дѣтей на воздухъ, но что такое прогулка на воздухъ въ большомъ городѣ и при дурномъ климатѣ? Доброе желаніе есть, но нѣтъ матеріальныхъ средствъ осуществить его, или внѣшнія условія—климатическія, общественныя и др.—не представляютъ средствъ для предоставленія дѣтямъ нужнаго имъ воздуха, свѣта, тепла, простора и пр. Приходится прибѣгать къ палліативамъ: отводить подъ дѣтскую лучшую комнату (что не всегда значитъ хорошую), вывозить изъ города на дачу, притомъ возможно раньше и т. п. Дать дѣтямъ все, что надо и что хотѣлось бы, не всегда во власти родителей. Права дѣтей встрѣчаютъ ограниченіе, устранить которое не въ силахъ отдѣльной личности. И замѣчательно, что, вспоминая свое дѣтство, люди не добромъ поминаютъ семейныя дразги и ссоры, властолюбіе, тщеславіе того или другого изъ родителей, словомъ, то, что составляло внутреннюю язву семьи, и никогда не жалуется на лишенія и нужду, испытанныя въ дѣтствѣ, если причины ихъ лежали внѣ семьи. Конечно, сюда не подходятъ лишенія, причина которыхъ лежитъ въ мотовствѣ, картежничествѣ, разгулѣ родителей. Но нужда составлявшая несчастіе, никогда не вызываетъ упрека по адресу тѣхъ, кто не могъ доставить дѣтямъ сколько нибудь сноснаго существованія.

Присматриваясь къ отношеніямъ между родителями и дѣтьми въ тѣхъ семьяхъ, на долю которыхъ выпадало горе и несчастье, видишь, что на нихъ ложится особый отпечатокъ. Не всегда горе озлобляетъ человѣка и обращаетъ его въ звѣря, жестоко вымѣщающаго свое сердце на дѣтяхъ. Часто бываетъ, что оно даетъ возможность проявить во всей красѣ душу человѣческую. Горе нерѣдко заставляетъ людей тѣснѣе сблизиться, сообщая, со взаимной поддержкой бороться съ невзгодой, пришедшей извне, обнаруживая неизсякаемое богатство нѣжности къ товарищамъ бѣдствія и изумительную твердость духа при перенесеніи лишеній. Часто, читая воспоминанія о неприглядной молодости, встрѣчаешь горячія строки, посвященные отцу или матери, явившимъ урокъ мудрости въ пору крайне тяжкихъ житейскихъ невзгодъ.

Надежда Дмитріевна Хвощинская-Заіончковская провела дѣтство въ семьѣ, когда родители ея сильно нуждались. Приходилось считать каждый грошъ; квартира была холодная, бывали дни, когда не на что было купить хлѣба. Все было заложено или продано. Учителей нанимать было не на что, учили сами родители; читать Надежда Дмитріевна научилась по Телеграфу Полевого. Для письма тоже не было матерьяла, и Надежда Дмитріевна, перебирая сорную корзинку въ кабинетѣ отца, выискивала листы съ широкими полями, обрѣзала ихъ и писала на нихъ. Позже, подросши, Надежда Дмитріевна учила своихъ младшихъ сестеръ. Вспоминая это тяжелое время, Надежда Дмитріевна съ глубокою любовью вспоминала мать, которая „геройски несла бремя“. Она дала дочери примѣръ „мужественнаго терпѣнія и труда, выше котораго ей не дала никакая книга“. Трудъ свой и лишенія мать Надежды Дмитріевны несла весело и бодро, и всѣмъ въ семьѣ жилось тяжело, но сердечно и хорошо“ ¹⁾.

Добрымъ словомъ поминаетъ Буслаевъ свою мать, къ которой онъ всю жизнь питалъ глубокое уваженіе. Ея

¹⁾ Ст. Цебриковой, въ журн. Міръ Божій. 1897 № 12.

послѣднее благословеніе, по его словамъ, „въ трудныя и горькія минуты жизни всегда укрѣпляло, спасало и утѣшало“ его. Разсудительная, заботливая, ласковая, всегда приносившая себя въ жертву милосердію и состраданію къ ближнимъ, много вытерпѣвшая на своемъ вѣку и тѣмъ не менѣе умѣвшая сохранить „ясность добраго нрава“, въ такихъ чертахъ рисовался Буслаеву образъ его матери.

Семейная жизнь Буслаевыхъ сложилась не совсѣмъ обычно. Мать вышла замужъ 14 лѣтъ. Сынъ родился, когда ей было всего 16 лѣтъ. На 21 году она овдовѣла, оставшись съ 5-лѣтнимъ мальчикомъ на-рукахъ. Черезъ два года она вышла замужъ вторично, но на этотъ разъ несчастливо. Вотчимъ Ѳедора Ивановича придерживался крѣпкихъ напитковъ, спустилъ все женино добро, часто пропадалъ изъ дому по недѣлямъ и возвращался въ семью буйный, бѣшеный. Эта тяжелая жизнь длилась 7 лѣтъ. Овдовѣвъ вторично, мать Буслаева осталась съ 3 дѣтьми, а черезъ 6 лѣтъ она скончалась (34 лѣтъ), когда Буслаеву было всего 18 лѣтъ отъ роду. Она умерла отъ горячки, которою заразилась отъ подруги, за которою ухаживала во время болѣзни.

„Ничто, замѣчаетъ Буслаевъ, такъ не скрѣпляетъ дружбу, какъ страданіе вдвоемъ, и въ это скорбное, безнадежное время (вторичнаго замужества) я сталъ для матушки не только горячо любящимъ сыномъ, но и задушевнымъ другомъ, съ которымъ она вмѣстѣ страдала и проливала горькія слезы“.

„Несчастіе сильно способствуетъ развитію дѣтей. Будучи только 12 лѣтъ, я уже чувствовалъ и поступалъ какъ взрослый, когда дѣло касалось моей злополучной матери“.

А они и раньше, во время перваго вдовства матери привыкли по-долгу сиживать другъ противъ друга у окна. Мать повѣряла сыну свои заботы и планы, свои надежды и опасенія, свои горькія печали и немногія радости, которыя рѣдко выпадали на ея долю. На этой почвѣ сложились такія отношенія взрослого сына къ матери, какихъ можно пожелать каждой матери.

Не знаемъ, какого рода мысли возбудили въ читателѣ предшествующія выписки, но насъ онѣ утверждаютъ въ той мысли, которую мы высказали раньше, что дѣти не первые и не послѣдніе члены семьи, а равноправные, только малолѣтніе. Первоначальный уходъ за дѣтьми съ годами, когда дѣти, какъ говорится, входятъ въ разумъ и могутъ стать нашими друзьями, прекращается; тогда дѣти могутъ жить общеою жизнью семьи, знать и дѣлать наши горести и радости. Въ простыхъ семьяхъ дѣти, по нуждѣ, рано становятся помощниками взрослыхъ, помогаютъ имъ въ работѣ, нянчатъ дѣтей, гоняютъ скотину, и пр. Состоятельныя семьи могутъ отъ многого такого избавить своихъ дѣтей, потому что многое нашимъ дѣтямъ и не по силамъ, но то, что по силамъ, могло бы быть поручаемо имъ. Каждому случалось наблюдать, какъ охотно дѣти услуживаютъ взрослымъ, просто-душно воображая, что они дѣлаютъ нѣчто серьезное, нужное. Но не въ физическомъ трудѣ главное дѣло. Нравственная связь семьи поддерживается общими интересами будничной жизни. Пусть дѣти знаютъ, что все, что ихъ окружаетъ, все, что они имѣютъ, создается трудомъ отца и матери; что когда отецъ уходитъ изъ дому на работу, мать заботится, чтобы дома было сдѣлано все, чтобы накормить отца и дѣтей, дать имъ покой и отдыхъ, а если нужно, то устроить, чтобы ему удобно было работать у себя въ кабинетѣ. Не бѣда, если дѣти узнаютъ, что по одеждѣ приходится протягивать ножки, рассчитывать, отказывать себѣ. Случится горе, видятъ дѣти, что отецъ съ матерью печальны, озабочены, почему бы имъ не объяснить въ чемъ дѣло, если дѣло можетъ быть понято ими. Лишь бы оно было не такое, за которое приходится краснѣть. Мы чисто охраняемъ золотое дѣтство отъ впечатлѣній, благодаря которымъ позолота можетъ потускнѣть. Но вѣдь это вносить въ жизнь нѣчто искусственное, фальшь. Позолота тускнѣетъ, но зато нѣчто выигрывается: рождаются дружба, болѣе тѣсное сближеніе, прямота и задушевность. И въ тѣхъ воспоминаніяхъ, выписки изъ которыхъ мы приводили, говорится, что дѣти видѣли дома и нищету и лишенія, но

усмотрѣли и бодрость духа, и упорный трудъ; видѣли крестьянъ, приходившихъ благодарить за добро, и уходъ матери за больными, и умилялись, глядя, какъ за это добро боготворили мать, считали отца святымъ человѣкомъ. Въ дѣтствѣ многое изъ этого не сознавалось, но только чувствовалось, даже смутно чувствовалось и выяснилось только позже. Но для насъ за этими наблюденіями видится общая, дружная, семейная жизнь. Именно то, что мы разумѣмъ, говоря, что дѣти—члены семьи равноправные, но малолѣтніе. По малолѣтству они учатся у родителей уму-разуму, они не самостоятельны, не ведутъ во всей полнотѣ трудовой жизни; но равноправность ихъ выражается въ томъ, что мы не смотримъ на нихъ сверху внизъ, а, какъ товарищи, дѣлимъ съ ними радости и горе, радушно выслушивая отъ нихъ повѣствованія объ ихъ волненіяхъ и не пряча отъ нихъ своего душевнаго міра, по скольку онъ имъ доступенъ. При отсутствіи стремленія прятаться отъ дѣтей, являться исключительно въ роли назидателя, устроителя специально для дѣтей праздниковъ, въ родѣ елки и т. п. въ результатѣ являются простыя и откровенныя отношенія между дѣтьми и родителями, которыхъ многіе изъ насъ такъ желаютъ, но не достигаютъ.

Въ семьѣ Достоевскихъ, когда дѣти были уже отданы въ учебныя заведенія, субботы, когда дѣти съѣзжались домой, были днями семейнаго праздника. Обѣдъ назначался позже, чтобъ всѣ были въ сборѣ. За обѣдомъ шли рассказы о разныхъ школьныхъ событіяхъ, случившихся за недѣлю. Родители слушали и молчали, давая высказаться дѣтямъ. Откровенность была полная. Отецъ ни разу не давалъ наставленій сыновьямъ. При разсказахъ о разныхъ шалостяхъ, онъ только приговаривалъ: ишь шалунъ, ишь разбойникъ, ишь негодай... и т. п., но ни разу не говаривалъ: смотрите, не поступайте-де и вы такъ! Этимъ давалось, кажется, знать, что отецъ и ожидать не можетъ отъ нихъ подобныхъ шалостей.

Съ другой стороны, и дѣти знали своихъ родителей,

потому что послѣднимъ нечего было прятать отъ нихъ въ своей жизни.

Мы держимся того мнѣнія, что родители въ раннемъ дѣтствѣ сѣютъ то, плоды чего они собираютъ позже, въ годы юности и начала зрѣлости.

Для иллюстраціи своей мысли приведемъ еще одну страничку, относящуюся къ эпизоду, который, конечно, могъ имѣть мѣсто только въ болѣе позднемъ возрастѣ.

Глубокая сердечная вѣра отца М. С. Соловьева была совершенно свободна отъ той напряженности, которую поверхностный взглядъ принимаетъ за силу. Непоколебимо увѣренный въ положительныхъ истинахъ христіанства, неизмѣнно и открыто привязанный къ существеннымъ формамъ церковнаго благочестія, онъ никогда не подчеркивалъ своей религіозности, не ставилъ ее ребромъ и никого не хотѣлъ стѣснять ею. Онъ не навязывалъ своихъ религіозныхъ воззрѣній не только своимъ друзьямъ, но даже роднымъ дѣтямъ. „Съ этой стороны мнѣ самому, говоритъ С. М., ¹⁾ пришлось оцѣнить его вполне. Будучи съ дѣтства занятъ религіозными предметами, я въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ прошелъ черезъ различныя фазы теоретическаго и практическаго отрицанія. Отецъ это зналъ, такъ какъ я пересталъ ходить съ нимъ въ церковь. Но онъ ни однимъ словомъ не оказалъ на меня прямого воздѣйствія, ограничиваясь лишь изрѣдка легкими насмѣшками надъ различными *измами* и надъ моими тогдашними божками, въ родѣ Ренана. Заставши меня однажды надъ запрещенною книгою этого писателя, онъ сказалъ только: „если ужъ хочешь читать въ этомъ направленіи, то вѣзь бы что-нибудь получше, на примѣръ:—Жозефа Сальвадора; этотъ еврей куда сильнѣе твоего краснбая съ фальшивыми цитатами. И однако тутъ вовсе не было равнодушія: вскорѣ послѣ этого одинъ случайный разговоръ, взволновавшій отца до слезъ, показалъ мнѣ, до

¹⁾ С. М. Соловьевъ. Нѣсколько данныхъ для его характеристики. Вл. С. Соловьева, В. Евр. Іюнь 1896, стр. 690—691.

какой степени огорчало его мое скороспѣлое невѣріе, хотя, конечно, онъ догадывался, что это только болѣзнь роста. Но своимъ отношеніемъ ко мнѣ въ этомъ случаѣ онъ далъ мнѣ почувствовать религію, какъ нравственную силу, и это, конечно, было дѣйствительнѣе всякихъ обличеній и наставленій“.

Если мы хотимъ, чтобы дѣти наши были друзьями нашими и въ юности, и въ зрѣломъ возрастѣ, надо съ ранняго дѣтства стать съ ними на дружескую ногу, избѣгая всего того, въ чемъ чувствуется взглядъ на нихъ сверху внизъ. Недостаточно говорить имъ: не лги, будь откровененъ съ родителями, не скрывай отъ нихъ ничего, сдѣлавъ что-нибудь дурное, имѣй мужество сознаться и т. д. Надо не только самому не лгать и не рядиться въ плащъ проповѣдника добродѣтели, а жить такъ, чтобъ нечего было прятать отъ дѣтей, нечего было бояться, что они осудятъ (хотя бы и позже), потому что они могутъ осудить только за дурное, а не за несчастіе, потому что они способны оцѣнить многое изъ того, что мы считаемъ достоинствомъ человѣка, и рады будутъ найти это хорошее въ своихъ родителяхъ.

VII.

Любимцы и отверженные.—Родительскій эгоизмъ.

Учасъ у родителей такимъ качествамъ, какъ трудолюбіе, бодрость духа, участіе къ чужому горю и бѣдствію (вспомнимъ бар. Корфа), дѣти должны научиться у нихъ и справедливости, и прямотушю. Естественно, что родители не равно любятъ своихъ дѣтей, что въ любви ихъ къ дѣтямъ обнаруживаются отгѣнки, что отецъ любитъ сильнѣе прочихъ одного, а мать—другого. Вѣдь и Христосъ, нашъ великій учитель любви, имѣлъ любимыхъ учениковъ, которымъ и сообщалъ свои наиболѣе глубокія мысли. Бороться съ своимъ чувствомъ, когда любишь кого-либо изъ дѣтей сильнѣе другихъ, едва ли возможно. Но возможно и должно бороться съ собою, чтобы любовь не нарушала справедливости, не

ослѣпляла, не вела къ потачкамъ и слабости, не создавала ребенку исключительнаго положенія.

Мы не будемъ распространяться о томъ, къ чему ведетъ существованіе въ семьѣ любимцевъ и отверженныхъ, относительно которыхъ нарушается справедливость; это извѣстно каждому. Мы ограничимся лишь указаніемъ на то, какъ такого рода родительское ослѣпленіе складывается и вырастаетъ постепенно, такъ что и сами родители не замѣчаютъ, что вышли на дорогу, гдѣ ихъ ожидаетъ не малое зло.

Напомнимъ о Гоголѣ. Обстоятельства еще до его рожденія складывались такъ, что ему предстояло быть баловникомъ. Н. В. былъ первенецъ, матери его было всего 17 лѣтъ, когда онъ родился, предшествующіе роды ея были неудачны, и сынъ сталъ ея любимцемъ. Она безгранично баловала его и снисходительно относилась къ его дѣтскимъ слабостямъ, и мальчикъ росъ эгоистомъ съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ. Семья была не богатая, но сыну не было отказа ни въ чемъ. По смерти мужа, вся тягость хлопотъ по хозяйству и добыванію средствъ легла на молодую вдову. Она не тяготилась этими заботами, ради своего любимца-первенца лишала себя самага необходимаго, терпѣла униженія, когда приходилось изворачиваться съ хозяйствомъ, продавать и закладывать вещи. Требовательность же сына росла все больше и больше. Онъ тратилъ на себя больше, чѣмъ получалъ, и дѣлалъ долги. На просьбы сына о присылкѣ денегъ, мать отвѣчала наставленіями, но деньги посылала. Вспоминая потомъ это время, Гоголь самъ писалъ матери: „Я помню, я ничего сильно не чувствовалъ, глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобъ угождать мнѣ. Никого я особенно не любилъ, выключая васъ, и то только потому, что сама натура вдохновила это чувство“. Наставленія матери были словами, а ея дѣло учило его другому, и онъ мало по малу перешелъ къ тому, что самъ сталъ читать ей наставленія, упрекая, что она не умѣетъ вести хозяйство, уча, какъ надо жить, и пр. Гоголь тяго-

тился самоотверженіемъ матери и высказывать желаніе никогда не возвращаться домой, „чтобы не видѣть ея безпокойства и мученій, иногда даже о какой-нибудь копѣйкѣ“. Для матери тягость этихъ хлопотъ смягчалась тѣмъ, что онѣ были ради сына, и свиданіе съ нимъ, возможность поухаживать за нимъ было бы ея счастіемъ, а онъ тяготился этимъ ухаживаньемъ, но не умѣрялъ своей требовательности и въ письмахъ къ матери былъ все время высоко-мѣрно-учителенъ.

Позже, когда онъ пожелалъ стать христіаниномъ, то онъ взялъ изъ ученія Христова не смиреніе, которое побуждаетъ считать себя однимъ изъ грѣшниковъ,—„отъ нихъ же первый есмь азъ“,—но суровымъ обличителемъ чужихъ пороковъ и заблужденій. И кто знаетъ, почему онъ избралъ себѣ эту роль? Не потому ли, что онъ уже смолodu привыкъ къ этой роли въ отношеніи къ своей матери, созданной безграничною любовью къ первенцу, поклоненіемъ и угодничествомъ матери передъ нимъ?

У слабыхъ матерей чрезмѣрная, неразумная любовь выражается баловствомъ; у сильныхъ она нерѣдко выливается въ иныя формы, которыя тоже нельзя не признать неразумными. Любя дѣтей, онѣ желали бы видѣть ихъ надѣленными всякими добродѣтелями, всякими талантами, имъ рисуются ихъ будущее общественное положеніе, профессія, слава и счастье. Горе только въ томъ, что не всегда личность ребенка подходитъ къ той золотой рамкѣ, которую мать заранее заказываетъ для своего любимца, что она не сознаетъ, что счастье ребенка она подмѣнила своимъ счастьемъ, счастьемъ, какое испытывала бы она, еслибъ ея ребенокъ выросъ такимъ-то и она видѣла бы, любовалась, гордилась имъ въ созданной любящею фантазіею матери позѣ и нарядѣ. Нерѣдко, если у матери сильный характеръ, начинается ломка, которая даетъ основаніе говорить, что въ ней сказывается не любовь, а материнскій эгоизмъ.

Такой материнскій эгоизмъ пришлось испытать К. Д. Кавелину. Когда онъ собирался выходить на ученую дорогу,

онъ встрѣтилъ сопротивленіе матери и пережилъ много горькихъ дней, прежде чѣмъ ему удалось достичь желаемаго. У матери были свои планы на сына: она хотѣла, чтобъ онъ пошелъ на службу, въ чиновники. Этотъ разладъ былъ только послѣднимъ актомъ материнскаго эгоизма, который подготовлялся издавна всѣмъ строемъ семейной жизни. „Я воспитался, говорить онъ, въ нехорошей, нездоровой семьѣ и долженъ былъ работать надъ собою, чтобы освободиться отъ ея вліянія“. Пустота жизни, дворянское чванство, сплетни и пр. составляли ея содержаніе. Сверстниковъ у Кавелина не было никакихъ. При мальчикѣ полагался гувернеръ, и ихъ перебивало у него нѣсколько, они мѣнялись безпрестанно, и рѣдко попадались между ними хорошіе люди. Съ матерью у него рано начались дурныя отношенія. У нее на все были рамочки, и она хотѣла и его втиснуть въ нихъ. Вспоминая эту борьбу, онъ говорилъ, что завялъ, научился страдать и тянуть лямку. Положеніе было до того тяжело, что онъ ждалъ, какъ выхода изъ него, смерти матери.

Само собою разумѣется, что мать была убѣждена, что борется съ сыномъ ради его блага. Масса душевныхъ силъ была затрачена тою и другою стороною, отношенія приняли неестественный, враждебный характеръ, и въ результатъ получилось все же не то, чего такъ настойчиво добивалась мать.

Та же борьба и тѣ же результаты въ семьѣ И. С. Тургенева. Мать его, Варвара Петровна, была женщиной суровой и помѣщицей деспотичной. Сына она держала строго, часто наказывала розгами, хотя онъ иной разъ и не понималъ за что. Матери онъ боялся и разъ собрался бѣжать изъ дому, чтобъ избѣжать суроваго наказанія. Но прошло дѣтство, настала юность и жесткія формы отношеній сами собою упразднились. Въ сердцѣ Тургенева нашлась сыновняя любовь, выражавшаяся въ ласкѣ, почтительности, уходѣ во время болѣзни. Смягчилась какъ будто и мать, и когда сынъ пріѣзжалъ къ ней въ деревню погостить, расправы съ крѣпостными становились рѣже и менѣе жестоки. Въ сущ-

ности она оставалась деспотомъ, не соглашалась на просьбы сына и его заступничества за крѣпостныхъ, точно она хотѣла доказать, что если она смягчается, то потому, что она такъ хочетъ, а сынъ на нее не вліяетъ нисколько. Съ своей стороны и Тургеневъ по прежнему возмущался, но взаимныя отношенія смягчались на почвѣ сыновней любви и неустановившихся въ юности воззрѣніяхъ. Затѣмъ Тургеневъ уѣхалъ въ Германію доканчивать свое образованіе. Здѣсь онъ увидѣлъ иную жизнь, слушалъ университетскія лекціи, возмущалъ умственно и нравственно. Прежде въ немъ говорила натура, чувство; теперь смутные запросы и протесты сложились въ убѣжденія, принципы. Когда онъ вернулся изъ Германіи въ свое родное село, взаимныя отношенія его съ матерью крайне обострились. Въ Тургеневѣ говорило уже не доброе сердце, возмущенное жестокимъ обращеніемъ съ Иваномъ и Петромъ, а горячее убѣжденіе въ безнравственности самого принципа крѣпостного права. Мать не могла переродиться и измѣнить свои воззрѣнія и почувствовала силу ей враждебную и непримиримую. Тургеневъ уѣхалъ отъ матери, а мать, вѣрная себѣ, отказала ему въ матерьяльной помощи. Любовь не спасла сына отъ осужденія матери, когда онъ почувствовалъ потребность послужить родинѣ по своимъ убѣжденіямъ.

Такого рода отношенія родителей къ дѣтямъ въ сущности свидѣтельствуютъ о частомъ забвеніи нами простой истины, что дѣти не всегда будутъ оставаться младенцами, а вырастутъ и станутъ взрослыми людьми. Забывать объ этомъ не слѣдовало бы. Жизнь напоминаетъ намъ объ этомъ, но поздно, когда уже трудно поправить дѣло. Дѣти уходятъ отъ насъ, унося на днѣ своей души горькій осадокъ дѣтскихъ воспоминаній и, формируясь внѣ семьи, появляются въ ней гостями, чуждыми интересамъ семьи. На сцену выступаютъ отцы и дѣти разныхъ видовъ: Базаровы, Кирсановы, и проч. Яленіе это существовало всегда и въ послѣднее десятилѣтіе только приняло, кажется, болѣе рѣзкія формы. Жизнь наша, обновляясь, пошла шибко, поколѣнія,

разнящіяся всего на десятилѣтія, стали значительно не схожи между собою. Если прежде родительскій эгоизмъ выражался въ желаніи для дочери—чаще всего блестящей партіи, а для сына—военной карьеры, когда его тянуло въ художники, или высокаго чиновнаго положенія, когда его тянуло къ наукѣ, то теперь желанія могутъ вращаться въ гораздо большемъ кругѣ, касаясь вещей болѣе интимныхъ и болѣе дорогихъ. При смѣнѣ общественныхъ идеаловъ, разногласіе между двумя поколѣніями можетъ оказаться по весьма многимъ пунктамъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, которые мы привели только что (Кавелинъ и Тургеневъ), не трудно разобратъся: слишкомъ уже рѣзко разошлись поколѣнія отцовъ и дѣтей, и притомъ по вопросамъ весьма крупнаго общественнаго значенія. Здѣсь, въ сущности столкнулись крѣпостное право съ гуманными, освободительными идеями, преданія „служилыхъ“ людей съ идеями о гражданской, свободно-избранной дѣятельности, идеями, зародившимися въ обществѣ гораздо раньше ихъ оффиціальнаго признанія. Но разладъ отцовъ съ дѣтьми можетъ опредѣляться и не столь рѣзкими разногласіями, и не всегда послѣдующее поколѣніе стоитъ выше своихъ предшественниковъ. Множество разныхъ причинъ можетъ опредѣлять то безспорно печальное явленіе, что въ семьѣ нашей нѣтъ преданій и традицій, связующихъ лицъ разныхъ поколѣній и опредѣляющихъ извѣстную преемственность идей и понятій. Иной разъ наблюдатель и не въ состояніи объяснить себѣ, откуда пошелъ разладъ и въ чемъ его корень. Отъ него не избавлены ни почтенные родители, ни хорошіе молодые люди, особенно если та или другая сторона состоитъ изъ лицъ убѣжденныхъ и хоть сколько-нибудь нетерпимыхъ.

Но мы думаемъ, что такой разладъ вовсе не неизбеженъ. Каждый видалъ семьи, гдѣ молодежь живетъ дружно со старымъ поколѣніемъ гдѣ старые и молодые сохраняютъ взаимное уваженіе, расходясь между собою во взглядахъ на

разные общественныя явленія, въ запросахъ, предъявляемыхъ къ жизни и проч.

Такова была семья Андрея и Александра Тургеневыхъ. Отецъ ихъ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ уже старикомъ, когда дѣти его еще учились: Андрей въ университетѣ, Александръ—въ московскомъ благородномъ пансіонѣ. Послѣдній ввелъ въ свою семью В. А. Жуковского, товарища по пансіону. Юноши, по словамъ нашего поэта, были привязаны къ старику-отцу „свободною довѣренностью, сходствомъ мыслей и чувствъ и самою нѣжною благодарностію“. Жуковский, войдя въ эту семью, нашелъ здѣсь родственную ласку, въ которой отказало ему рожденіе, потому что старикъ „друзей не рознилъ съ сыновьями“, а сыновьями—онъ жилъ. Н. Л. Тургеневъ былъ въ это время центромъ, около котораго группировались тогдашнія литературныя знаменитости; сюда же тянуло и молодежь. Но главную силу старика составляла его нравственная красота, его стремленіе къ самосовершенствованію, которыя возбуждали общую къ нему любовь и желаніе слѣдовать по стопамъ его. Семья и кружокъ, собиравшіеся вокругъ Ивана Петровича Тургенева, формировали „человѣка“, вырабатывали нравственныя начала, дѣятельныя религіозныя вѣрованія, ставили идеаломъ любовь къ человѣчеству. Долго послѣ того, какъ старикъ умеръ, молодежь вспоминала его свѣтлую личность и признавала, что ей обязана она добрымъ вліяніемъ и руководствомъ. Для насъ особенно дорого то, что здѣсь не было борьбы отцовъ съ дѣтьми, что существовало преемство поколѣній, и уваженіе младшаго поколѣнія къ старшему зиждилось на свободномъ довѣріи и уваженіи къ нравственно содержательной личности, сохранившей до старости свѣжесть, убѣжденность и любовь къ своимъ преемникамъ. Напомнимъ еще, что старикъ Тургеневъ одинаково сердечно относился и къ своей крови—сыновьямъ и къ другой молодежи.

VIII.

Прислуга, и въ частности—няня.

Когда приходится говорить объ отношеніяхъ дѣтей къ прислугѣ и прежде всего—къ нянѣ, то нельзя упускать изъ виду, какова эта прислуга. Само собою разумѣется, что каждый изъ насъ, родителей, желаетъ имѣть хорошую прислугу и прежде всего въ своихъ собственныхъ интересахъ, но это далеко не всегда удается. Типъ почтенной няни старинныхъ временъ почти уже вымеръ или, по крайней мѣрѣ, встрѣчается весьма рѣдко. Новое время создало и новый характеръ отношеній прислуги къ господамъ, къ „мѣсту“. Послѣ уничтоженія крѣпостного права въ первое время прислуга, по традиціи, обладала наклонностью къ осѣдлости, поступивъ на „мѣсто“, имѣла въ мысляхъ устроиться, осѣсть, дорожила мѣстомъ и, живя въ одномъ домѣ по многу лѣтъ, успѣвала либо привыкнуть, либо и полюбить дѣтей. Нынѣ и мы сами, и прислуга, живемъ по пословицѣ: рыба ищетъ—гдѣ глубже, человекъ—гдѣ лучше, и чувство осѣдлости стало слабѣе. Рѣдко у котораго ребенка нашего времени не перебывало по нѣсколько нянь. Понятно, что о какомъ-либо прочномъ вліяніи няни на ребенка въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

Жалобы на недостатокъ хорошихъ нянь слышатся часто и повсемѣстно. Нерѣдко предлагаютъ учредить институтъ нянь, гдѣ онѣ получали бы профессиональную подготовку. Противъ полезности такой подготовки, конечно, не приходится говорить, особенно, когда рѣчь идетъ о физическомъ уходѣ за малолѣтними. Многимъ изъ родителей приходилось наблюдать, что ребенокъ, постоянно капризничающій, неза-сыпающій или дурно спящій, въ два-три вечера обращается въ нормальнаго ребенка послѣ того, какъ вы перемѣнили няньку. Сколько дѣтей страдаетъ расстройствами желудка изъ-за няньки. Мы не говоримъ уже о возможности весьма

тяжкихъ случаевъ, вина которыхъ лежитъ на нянѣ. Физическій уходъ дѣло крайне важное, и умѣнье ходить за дѣтми въ нянѣ качество весьма цѣнное.

Но тему нашей статьи составляетъ вопросъ объ отношеніяхъ прислуги, и въ частности няни, къ дѣтямъ, и вопросъ этотъ выдвигается на практикѣ весьма рано, становясь столь же, а иногда и болѣе важнымъ, какъ и физическій уходъ. И если можно рассчитывать на то, что можно—или, вѣрнѣе, со временемъ будетъ можно имѣть няню, умѣющую ходить за дѣтми, то едва ли можно надѣяться, чтобы какой либо институтъ для подготовленія нянь былъ въ состояніи поставить дѣло такъ, чтобъ его питомицы удовлетворяли запросы серьезныхъ матерей касательно отношеній нянь къ дѣтямъ. Дѣло тутъ не во внѣшнемъ поведеніи, а въ сердечномъ настроеніи, дѣло интимное, индивидуальное. Воспитаніе няни въ этомъ смыслѣ, думается намъ, всегда будетъ обязанностью матери, и никто ее не замѣнитъ въ этомъ дѣлѣ.

Совершенно естественно, нанявъ няню, первое время не вполне довѣрять ей. Чтобъ получить довѣріе къ человеку, нужно узнать его: и каковъ онъ въ работѣ, и каковъ онъ характеромъ. Бываетъ, что женщина поступаетъ въ няни потому, что ей по возрасту и темпераменту всего пріятнѣе ходить за дѣтми, что ея личная жизнь въ извѣстныхъ формахъ уже миновала, и наступилъ періодъ, когда у женщины преобладаютъ материнскіе потребности и интересы, когда она живетъ въ дѣтяхъ своихъ или чужихъ, вѣранныхъ ея попеченію. Но бываетъ и иначе: женщина ищетъ мѣста прислуги и предпочитаетъ идти въ няни главнымъ образомъ потому, что няни живутъ въ господскихъ комнатахъ, часто кормятся съ барскаго стола, получаютъ къ праздникамъ болѣе цѣнные подарки и пр. Если справиться о ея прошломъ, то окажется, что она служила прежде кухаркой, одно время была судомойкой въ трактирѣ, что у нея братъ держитъ портерную, и сама она мечтаетъ скопить капиталецъ и начать торговать селедками. Понятно, что, случайно

попавшей въ няни, женщинѣ нельзя очень-то довѣрять; матерямъ приходится узнавать, что дѣти, отпущенныя съ такою нянькою на прогулку, побываютъ и въ портерной, и у мила-дружка, получаютъ, чтобъ сидѣли смирно, пока нянька не кончитъ своихъ дѣлъ,—либо колотушку, либо пряникъ и т. п. Вполнѣ естественно, намъ кажется, если мать стоитъ на-сто-рожѣ, во все входитъ сама, опредѣляетъ, гдѣ дѣтямъ гулять—по какимъ улицамъ и въ какомъ скверѣ—и иногда прокон-тролируетъ, дѣйствительно ли дѣти тамъ, куда она ихъ отпустила.

Нерѣдко приходится слышать, что приглашенный къ больному ребенку врачъ указалъ матери на какое-нибудь недоброкачественное прикармливаніе, на раздраженіе поло-выхъ частей, на недосмотръ и дурную гигиену, допущенные нянькою по невѣжеству, безпечности или и по дурнымъ побужденіямъ. Многое изъ такихъ вещей могло бы быть предотвращено, еслибъ мать не спѣшила довѣряться нянькѣ, а присматривалась бы ко всѣмъ подробностямъ ухода за ея дѣтьми.

Этотъ бдительный и мелочной надзоръ матери за нянь-кою необходимъ и для того, чтобъ, какъ говорится, поста-вить себя въ отношеніи няньки и съ самаго ея поступленія въ домъ начать ея воспитаніе. Нянька должна придти къ убѣжденію, что барыня знаетъ и умѣетъ ходить за ребен-комъ, и она дѣйствительно должна знать не меньше того, что можно требовать отъ няньки, что она не намѣрена уступать ей ничего въ своей хозяйской и материнской власти и авторитетѣ и желаетъ имѣть правдивыя свѣдѣнія о всемъ, что дѣлалось ребенкомъ, когда онъ не былъ на глазахъ у матери. Убѣдясъ, что нянька умѣетъ ходить за дѣтьми, лю-бить ихъ, правдива, не вѣтрена, мать станетъ все болѣе и болѣе довѣрять ей, зная, что она и за-глазами у матери относится такъ же, какъ и на глазахъ, что она не позволитъ ни себѣ, ни ребенку ничего, чего не одобряетъ мать, что если нянька что расскажетъ, то ея словамъ можно вполнѣ повѣрить, и довѣріе матери въ нянькѣ все будетъ расти.

Конечно, это идеаль, и практика можетъ заставитьъ примириться съ очень отдаленнымъ приближеніемъ къ идеалу. Но едва ли кто будетъ оспаривать желательность этого идеала. Нянька должна быть помощницей матери, и только помощницей; крайне тяжело, когда матери приходится постоянно бояться, не натворила ли чего нянюшка, подозрѣвать на каждомъ шагѣ, что она васъ обманываетъ, видѣть, что по ея винѣ дѣти болѣютъ или капризничаютъ и ихъ приходится наказывать. Тяжело, когда мать видитъ подлѣ себя не помощницу, а чуть не врага, съ которымъ приходится воевать либо въ закрытую, а то такъ и въ открытую. Само собою разумѣется, что пережить эту борьбу стоитъ только тогда, когда у женщины есть задатки стать хорошею нянею, но тогда обыкновенно это и не борьба, а скорѣе приспособленіе къ даннымъ условіямъ и требованіямъ семьи, нѣкоторое перевоспитаніе няньки. Если такихъ задатковъ нѣтъ, то борьба бесплодна и ненужна. Такихъ нянюшекъ не къ чему и держать въ домѣ.

А между тѣмъ довѣрчивыя отношенія между матерью и няней необходимы и для той, и для другой. На сколько они нужны матери и говорить не приходится, но они нужны и нянѣ, чтобы пріобрѣсти авторитетъ въ глазахъ дѣтей и быть съ ними натуральными. Благодаря именно тому, что онѣ не принадлежатъ къ нашему классу, онѣ во многихъ отношеніяхъ ближе къ дѣтямъ, чѣмъ мы, родители. Въ одной автобіографіи авторъ вспоминаетъ, что онъ, ребенкомъ, охотнѣе игралъ съ прислугою, чѣмъ со взрослой родней. Въ послѣдней онъ всегда чувствовалъ, что она, играя съ нимъ, нисходитъ, играетъ не по настоящему и каждую минуту можетъ прервать игру, рѣшивъ про себя: будетъ, потѣшила его. Прислуга, если играетъ, то непосредственно, не для барчука, а для себя, и относится къ игрѣ съ такимъ же интересомъ и увлеченіемъ, какъ и ребенокъ. Тутъ они равны. Но не въ однѣхъ играхъ они могутъ оказаться если не равными, то близкими по развитію и пониманію. Позже ребенокъ перегонитъ свою няню, потому что онъ растетъ,

а она уже дошла до своего конца; но есть періодъ дѣтства, когда нянино слово много значить, потому что ребенокъ ее понимаетъ иной разъ лучше, чѣмъ отца или мать. И такое взаимное пониманіе иногда переходитъ за предѣлы того возраста, гдѣ мы считаемъ его естественнымъ. Простота, непосредственность, твердая вѣра и убѣжденіе на дѣтей часто дѣйствуютъ сильнѣе доказательствъ и умныхъ доводовъ.

Ө. И. Буслаевъ признаетъ, что его няня имѣла вліяніе на его развитіе и умственное, и религіозное. „Бывало, говоритъ онъ, начнетъ она рассказывать о какомъ-нибудь страшномъ приключеніи съ нею на дорогѣ, о бурѣ на морѣ, о встрѣчѣ съ подозрительными людьми, я въ сильномъ волненіи спрашиваю ее: „И ты не испугалась, Марьюшка?“—и получалъ постоянно въ отвѣтъ: „А Богъ-то, батюшка?“ Буславъ прибавляетъ: „Если я и родился съ религіознымъ чувствомъ, если въ трудныхъ обстоятельствахъ моей жизни меня поддерживаетъ постоянно надежда на Высшую Силу, то думаю, что не имѣю права отвергать и вліяніе нянькиныхъ словъ: „А Богъ-то!“ — Вліяніе няни на Пирогова вытекало изъ той же силы вѣры. „Я не слыхалъ отъ нея никогда ни одного браннаго слова, говоритъ онъ, всегда любовно и ласково останавливала она упрямство и шалость; мораль ея была самая простая и всегда трогательная, потому что выходила изъ любящей души. „Богъ не велитъ такъ дѣлать, не дѣлай этого, грѣшно!—и ничего болѣе“.

Въ приведенныхъ рассказахъ чувствуется доля уваженія авторовъ къ нянѣ, признаніе, что она въ свое время имѣла авторитетъ и притомъ пріобрѣтенный своими внутренними достоинствами. Въ воспоминаніяхъ Корфа, бывшаго въ заговорѣ съ прислугою для охраненія отца отъ непріятностей съ мачехою, ничего не говорится, какова была эта прислуга, но вы чувствуете, что ея мнѣнія и рѣшенія имѣли для него значеніе. У нея онъ учился отношенію къ людямъ, бережности обращенія съ человѣкомъ, который можетъ сдѣлать зло. Мы видимъ здѣсь, что няня

и прислуга вообще входятъ, какъ составной элементъ, въ то, что называется средою, окружающею ребенка. Мы пойдемъ далѣе и скажемъ, что и въ нормальныхъ семьяхъ прислуга играетъ отнюдь не маловажную роль. Часто дѣти живутъ безъ общества сверстниковъ, случаются семьи, гдѣ дѣтей мало или они разновозрастны; ребенокъ поневолѣ растетъ между родителями и нянею. Въ домѣ бываютъ родные и гости, но они приходятъ и уходятъ, а съ нянею ребенокъ живетъ изо дня въ день; съ нею онъ и играетъ, и капризничаетъ, она приучаетъ его къ порядку и опрятности, она рассказываетъ ему свою жизнь, въ своемъ родѣ проповѣдуетъ ему житейскую мораль и мудрость, съ нею же дѣлится онъ и своими повседневными впечатлѣніями. Какъ сложатся ихъ взаимныя отношенія? Если няня—хорошая натура, она сама приобрѣтетъ себѣ вѣсь въ глазахъ ребенка, который и полюбитъ ее, и будетъ уважать и слушаться. Могутъ быть обстоятельства, когда няня или иная прислуга приобрѣтетъ значеніе для дѣтей не столько благодаря себѣ, сколько благодаря обстоятельствамъ. Бываютъ семьи такъ несчастливо сложившіяся, что дѣти только отъ прислуги и слышатъ разумное слово, участіе и ласку, и нѣкоторые изъ прислуги невольно становятся лицами, какъ потомъ оказывается, имѣвшими сильное вліяніе на дѣтей.

Въ нормальныхъ семьяхъ и при нянѣ средней руки все же надо подумать, въ какія отношенія стать къ ней и другой прислугѣ въ виду того, что за этими отношеніями наблюдаютъ пытливые глаза. Съ одной стороны—стоятъ кровные, родные, съ другой—чужой человѣкъ, можетъ быть, на глазахъ ребенка уже второй или третій, являющійся въ роли его няни. Мать учить его, что не надо драться, обижать брата или сестру, а на няню она кричитъ, бранить, доводитъ до слезъ. А няня, можетъ быть, уже стала близка ребенку, ему жаль ее. Ребенку говорятъ: надо быть добрымъ, а къ прислугѣ вовсе не добры. Является много такого рода загадокъ для ребенка. Мы, взрослые, знаемъ, что люди совсѣмъ иначе относятся къ своимъ и чужимъ, а тѣмъ болѣе

къ прислугѣ. То, что должно относительно однихъ, мы часто считаемъ непозволительнымъ относительно другихъ. Присмотритесь только къ квартирамъ, задавшись мыслью устроить прислугу сколько-нибудь сносно, съ соблюденіемъ хотя бы только элементарныхъ требованій гигиены и элементарныхъ удобствъ. Вы замѣтите, что квартира, рассчитанная на удобство вашей семьи, вовсе не принимаетъ во вниманіе прислугу. Спросите дворника, и онъ покажетъ, гдѣ помѣщалась прислуга у прежнихъ жильцовъ; окажется, что она ютилась въ проходныхъ корридорахъ, что здѣсь было ея мѣсто ночью, а днемъ она присаживалась гдѣ попало. И такъ во всемъ. Дѣти, наблюдая наши отношенія къ прислугѣ, могутъ чаще всего приучиться быть невнимательными къ тѣмъ, кто намъ служитъ, и говорить хорошія слова, которымъ нѣтъ приложенія въ нашей жизни. Они привыкаютъ фыркать на прислугу, обращаться съ нею только повелительно, не видя въ ней человѣка, о которомъ надо позаботиться.

Особенно важны заботы о нянѣ. Ее слѣдуетъ и обставить сколь возможно сносно, и обращаться съ нею человѣчно, чтобы ребенокъ видѣлъ, что она пользуется уваженіемъ. При довѣрії родителей къ нянѣ, такія отношенія къ ней, надо думать, сами собою установятся въ силу признанія важности ея роли въ воспитаніи дѣтей; по чувству расположенія къ ней и признательности за ея труды на пользу дѣтей. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ подумать о томъ, что наши отношенія къ нянѣ и другой прислугѣ являются практическою моралью, осуществленіемъ на глазахъ дѣтей нашихъ общественныхъ идеаловъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ няня можетъ заслонить собою мать; въ большинствѣ она сотрудница матери, лицо, которому она довѣряетъ своего ребенка. Все, что дѣлается для няни, чтобы ея жизнь въ семьѣ была удовлетворительна со стороны и матеріальныхъ нуждъ, и духовныхъ ея потребностей, сообщаетъ ей авторитетъ, который ей такъ нуженъ въ ея сношеніяхъ съ дѣтьми. Съ другой стороны, если родители обращаются съ

нянею ласково, ровно, внимательно, обходятся безъ ссоръ, дразгъ, мелочныхъ придирокъ, если отношенія ихъ доброжелательны, то этимъ самымъ они воспитываютъ и няню, уча ее самою жизнью, что и ея отношенія къ дѣтямъ должны быть такія же доброжелательныя, разумныя, спокойныя, и что къ такимъ же отношеніямъ она должна приучать дѣтей.

IX.

Нѣсколько общихъ выводовъ.

Въ предшествующихъ главахъ мы говорили только объ отцѣ съ матерью, да изъ прислуги о нянѣ, какъ прямой помощницѣ матери въ воспитаніи дѣтей. О взаимныхъ отношеніяхъ дѣтей между собою мы не говорили вовсе, такъ какъ этимъ отношеніямъ предполагается посвятить особый выпускъ Энциклопедіи. Понятно, что мы не исчерпали своей темы. Въ числѣ дѣтей могутъ быть и взрослые, и подростки, и малолѣтки, и отношенія между ними имѣютъ значеніе. Въ семьѣ-же, или вѣрнѣе—подъ одною семейною кровлею, могутъ жить и родные мужа и жены: ихъ отцы или матери, сестры или братья. Няни можетъ не быть вовсе, или она можетъ быть замѣнена бонною или гувернаткою; кромѣ няни есть кухарка, можетъ быть, горничная, лакей, кормилица. Словомъ, семейный домъ часто представляетъ своего рода колонію, гдѣ кромѣ дѣтей, отца и матери есть много другихъ лицъ, которыя сошлись подъ одною кровлею часто не свободно, не по любви, а по нуждѣ. Не говоря уже о прислугѣ, которая служить изъ за жалованья, и родня нерѣдко пристраивается къ чужой семьѣ только потому, что надо же гдѣ нибудь имѣть кровъ, столъ и уходъ. Часто родня мужа недолюбливаетъ невѣстку, или родня жены—ея мужа, часто для нихъ дѣти—ножъ острый и проч. и проч. Мы говорили исключительно о родителяхъ потому, что естественно предположить въ нихъ сознание своихъ обязанностей воспитывать дѣтей, облегчаемое лю-

бовью къ нимъ, потому что семья, строго говоря, только тогда семья, когда въ ней есть дѣти, иначе супружеское сожитіе не полно, безъ родителей и дѣтей нѣтъ семьи; тогда какъ семья можетъ быть безъ бабушекъ, дѣдушекъ, тетюшекъ, дядей и прислуги. Мужъ съ женою для того и сошлись, чтобъ жить общеою жизнью, устроиться по своему вкусу. За ними право писать тотъ уставъ, который въ каждомъ монастырѣ - семьѣ свой; и къ семьѣ вполне примѣнима пословица: въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ. Помнить эту пословицу тѣ родные, которые живутъ въ чужой семьѣ, или нѣтъ, это другой вопросъ, но, говоря объ уставѣ, надо имѣть въ виду тѣхъ, кто имѣетъ право писать этотъ уставъ. Оттого мы и говорили до сихъ поръ исключительно о родителяхъ, что это право за ними, а право предполагаетъ и отвѣтственность. И теперь, прежде чѣмъ говорить о роднѣ и дѣтяхъ на возрастѣ, мы соберемъ тѣ выводы, которые попутно дѣлали, вслѣдъ за описаніемъ различныхъ формъ семейной жизни, которыя приходится наблюдать въ дѣйствительности.

Нормальная семья представляется намъ союзомъ, въ которомъ, при всей индивидуальности ея членовъ, царятъ дружественныя отношенія, взаимная поддержка и помощь, нераздѣлимость радостей и горестей, словомъ, совмѣстный трудъ съ цѣлью сдѣлать жизнь и лучше, и легче. Дѣти въ семьѣ не первые и не послѣдніе, а равноправные члены ея. Но появленіе ихъ въ семьѣ составляетъ событіе, съ котораго начинается новая полоса жизни. Если бездѣтные мужъ и жена имѣютъ право искать своего личнаго счастья въ той мѣрѣ, въ какой оно доступно людямъ, то дѣти вносятъ въ ихъ жизнь альтруистическій элементъ, который суживаетъ рамки эгоистическаго счастья, открывая горизонты въ другихъ направленіяхъ. Дѣти порождаютъ много заботъ, огорченій, лишеній, но зато дарятъ и много радостей, недоступныхъ бездѣтнымъ супругамъ. Въ настоящемъ мѣстѣ слѣдуетъ прежде всего указать, что дѣти вызываютъ необходимость строже относиться къ самимъ себѣ, къ взаимнымъ отноше-

ніямъ, къ своимъ отношеніямъ къ дѣтямъ, къ прислугѣ, къ роднымъ, къ друзьямъ. Справедливо говорятъ, что, воспитывая другихъ, мы воспитываемъ прежде всего и самихъ себя, ибо присутствіе дѣтей часто служитъ уздою противъ распушенности, несдержанности, требуетъ обдуманности и труда, чтобы придать жизни больше порядка, удовлетворить разнообразнымъ запросамъ и потребностямъ, матеріальнымъ и духовнымъ.

Рождаясь безпомощными, дѣти требуютъ большого ухода за собою и, пользуясь этимъ уходомъ, постепенно и незаметно привыкаютъ видѣть въ тѣхъ, кто ходитъ за ними, свою опору и наставника. Рождаются любовь и потребность любви, признаніе руководительства и превосходства родителей надъ собою, своихъ правъ на нихъ, въ своемъ родѣ нѣкоторая гордость ими. Заключение, что дѣтямъ только и нужна кашка да игрушка—„не все ли имъ равно, гдѣ и съ кѣмъ жить“, только и могло сложиться въ головѣ Мимочки. Дѣти, играя, болтая, капризничая, въ то же время наблюдаютъ за окружающими, подмѣчаютъ иной разъ выраженіе лица и по своему ищутъ причинъ замѣчаемыхъ перемѣнъ. „Что, мама, у тебя головка болитъ?“ спрашиваетъ дитя, когда видитъ, что у матери невеселое лицо послѣ сцены съ мужемъ. Старшую сестру побранили, и она плачетъ. Слезы возбуждаютъ въ ребенкѣ жалость, онъ думаетъ, что ее обидѣли, ему такъ часто приходилось плакать, когда его обижали, и онъ лѣзетъ къ сестрѣ, чтобы поцѣловать ее, утѣшить. Давно замѣчено, что дѣти прекрасно подмѣчаютъ, кто ихъ любитъ, кто нѣтъ. Они очень привѣтливы съ тѣми, кого считаютъ своими друзьями, пристають къ нимъ съ распросами, просьбами, и они сдержанны съ людьми, которые сторонятся дѣтей. Мало-по-малу въ приговорахъ дѣтей о людяхъ слышится различіе ихъ на добрыхъ и недобрыхъ, отмѣчается, кто умѣетъ рассказывать хорошенькія сказочки, кто умѣетъ все сдѣлать, кто все знаетъ и проч. Тутъ является не простое констатированіе факта, а и оцѣнка его въ томъ смыслѣ, что это хорошее качество, причемъ качество рисуется въ нѣ-

сколько преувеличенномъ видѣ: все знаетъ, все умѣетъ. Конечно, оцѣнкѣ этого рода болѣе всего подвергаются тѣ, кто ближе всѣхъ къ нимъ, и естественно, что родители имѣютъ наибольшіе шансы получить высшую оцѣнку: на ихъ сторонѣ много преимуществъ, много дѣйствительныхъ достоинствъ сравнительно съ другими дѣтьми, прислужой и проч. Изъ маленькаго эгоиста, какимъ, говорятъ, рождается ребенокъ, онъ силою обстоятельствъ, своей безпомощности, ухода за нимъ, удовлетворенія его любознательности и рождающихся духовныхъ потребностей, вырастаетъ въ любящаго и по дѣтски уважающаго тѣхъ, кто пѣствовалъ его и согрѣвалъ его дѣтство. Въ біографіяхъ и художественныхъ произведеніяхъ часто упоминается, что у иныхъ дѣтей является горькое сознаніе, что ихъ никто не любитъ, или любятъ мало. Можетъ быть, въ этомъ сознаніи есть преувеличеніе, звучитъ нѣсколько эгоистическая нотка (ихъ обыкновенно любятъ, но имъ кажется, что мало), но, во всякомъ случаѣ, оно говоритъ о желаніи любить и быть любимымъ и не только сверстниками, но и старшими.

Если можно еще допустить, что, можетъ быть, необходимо доказывать, что дѣти, начиная съ эгоизма, весьма рано приходятъ къ сыновней любви, то, кажется, вовсе не нужно распространяться много о родительской любви. Она, кромѣ рѣдкихъ, ненормальныхъ случаевъ, стоитъ внѣ пререканій. На ней-то именно и вырастаетъ та родительская гордость, которая дала поводъ сказать одному писателю, что каждая мать считаетъ себя Шекспиромъ, т.-е. творцомъ гениальныхъ произведеній. Каждому извѣстно, какъ часто приходится слышать матерей, открывающихъ въ своихъ дѣтяхъ разныя удивительныя достоинства, таланты, способности. Но если въ этой родительской любви, гордости и могутъ встрѣчаться преувеличенія, то въ основѣ чувства эти вполнѣ естественны. Дѣло, въ которое вложилъ свою душу, на которое потрачено много силъ, каждому дорого. Тѣмъ болѣе, если это дѣло—воспитаніе живой души. Если похвальба матери проявленіями ребенка, которыя кажутся ей удивительными, свойственными

только ея ребенку, необычайными, а въ дѣйствительности несомнѣнно весьма характерными для дѣтской природы, но повторяющимися со всѣми дѣтьми, — если такая похвальба вызываетъ въ насъ улыбку, то слова Корнелии, которая тоже въ своемъ родѣ гордилась тѣмъ, что она мать Тиберія и Кая Гракховъ, говоря, что въ ея глазахъ это важнѣе, чѣмъ то, что она дочь Сципіона африканскаго, — слова эти принимаются нами съ сочувствіемъ ¹⁾. Въ этихъ словахъ благородной римлянки читатель найдетъ, можетъ быть, подтвержденіе часто высказываемой мысли, что въ человѣкѣ любовь къ нисходящему поколѣнію сильнѣе любви къ предшествующему поколѣнію. Но это различіе является позже и распространять сказанную мысль на дѣтей, у которыхъ нѣтъ еще потомства, по крайней мѣрѣ, нѣтъ оснований.

Эта родительская любовь и родительская гордость, по скольку она вызывается дѣйствительными достоинствами нашего потомства, наконецъ соображеніе о томъ, что дѣти, выросши или даже только подростши, явятся помощниками нашими, опорой и утѣхою въ старости, облегчаютъ родителямъ тяжесть труда и лишеній, которые они несутъ ради воспитанія дѣтей. Мы уже сказали, что въ раннемъ дѣтствѣ,

¹⁾ Приведемъ фактъ и изъ русской жизни. К. С. Аксаковъ не вынесъ кончины отца своего. Онъ сталъ чахнуть, пересталъ, какъ самъ выразился, «слышать въ себѣ пріятное ошущеніе силъ». Его послали за-границу, но поѣздка не вернула ему силъ; онъ умеръ на островѣ Зантѣ (въ Греческомъ архипелагѣ). На островѣ не нашлось православною священника, чтобы исповѣдать умирающаго, нашелся грекъ, едва говорящій по-французски. «Призванный къ умирающему и спѣшившій по-просту справить потребу, онъ былъ изумленъ исповѣдью, причащеніемъ и кончиной столь необыкновеннаго человѣка. Самымъ простодушнымъ образомъ выражалъ онъ свое удивленіе и недоумѣніе; онъ просилъ, нельзя ли ему повидать всѣхъ близкихъ этого человѣка и, главное, *мать покойнаго*. Ему хотѣлось ей передать — и если не придется лично, грекъ просилъ передать ей отъ него, что праведникъ скончался. Еще не видывалъ исповѣдникъ примѣровъ такой вѣры на землѣ. Онъ не прекращалъ своихъ распросовъ: да кто же это былъ? Кто это умеръ передъ нимъ? Ему сказали, что это былъ К. С. Аксаковъ. И что же можно было сказать больше этого».

самою силою вещей, въ дѣтяхъ родятся и развиваются сыновнія чувства, рядомъ съ натуральнымъ эгоизмомъ вырастаютъ альтруистическія чувства: привязанности къ людямъ, признанія авторитета, оцѣнка чужихъ достоинствъ. Напоминаніе о разности любви къ потомству и къ предкамъ, побуждаетъ насъ добавить здѣсь наше крайнее убѣжденіе, что тоже въ силу вещей, сыновнія чувства не обязательно слабѣютъ съ годами, а могутъ сохраняться и крѣпнуть и что тотъ или другой исходъ зависитъ въ значительной мѣрѣ, отъ отношеній родителей къ дѣтямъ. Въ числѣ неизбѣжныхъ жертвъ, требуемыхъ воспитаніемъ дѣтей, мы считаемъ и необходимость быть строже къ самому себѣ. Воспитывать не значитъ говорить дѣтямъ хорошія слова, наставлять и назидать ихъ, а прежде всего самому жить по-человѣчески. Кто хочетъ исполнить свой долгъ относительно дѣтей, оставить въ нихъ по себѣ добрую память, которая служила бы потомству завѣтомъ, какъ жить, тотъ долженъ начать воспитаніе съ самого себя. Онъ можетъ лишить дѣтей комфорта, необходимаго, дать имъ образованіе, какъ говорится, на мѣдные гроши, можетъ быть горячъ, вспыльчивъ, проявлять тѣмъ недостатковъ, и все же оставить въ наслѣдство дѣтямъ доброе имя, если умѣлъ сохранять мужество въ минуту жизненныхъ испытаній, работалъ надъ собою, честно и добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, трудился, проявлялъ доброжелательство къ людямъ и проч.

Приводя наблюденія изъ дѣтства разныхъ лицъ, мы указывали, какое впечатлѣніе производили на дѣтей разныя стороны семейныхъ отношеній, какой слѣдъ оставляли онѣ по себѣ.

Вспоминая свое дѣтство, люди часто жалуются, что оно протекло въ одиночествѣ не только безъ сверстниковъ и друзей, но и не согрѣтое материнской лаской и заботой. Родители были отвлечены отъ дѣтской либо свѣтскою жизнію, либо другими причинами, и дѣти или уходили въ книжку или привязывались къ кому-либо изъ дворни или прислуги. Мы видѣли, какъ чутко подмѣчали дѣти приниженное поло-

женіе въ семьѣ одного изъ родителей, созданное честолюбіемъ, сословнымъ неравенствомъ, властолюбіемъ, черствымъ сердцемъ и многими другими причинами. Оскорбленіе родителей всегда причиняло сердечную скорбь, задавало дѣтскому уму непосильную работу, старило и озлобляло сердце. Мы знаемъ, что могутъ быть и другія крайности, какъ чрезмѣрное баловство и т. п.

Приведенные нами примѣры почти всѣ отличаются нѣкоторою рѣзкостью; но мы не побоялись этой рѣзкости, потому что она даетъ возможность наблюдать и рельефнѣе выраженные впечатлѣнія этихъ ненормальностей въ семейныхъ отношеніяхъ. Говорятъ, дѣти правдивѣе насъ, взрослыхъ. Мы можемъ прибавить, что онѣ и чутче насъ къ ненормальностямъ житейскихъ отношеній и, прежде чѣмъ привыкнуть и освоиться съ ними, тяжелѣе переносятъ ихъ. Намъ кажется, что извѣстныя строки Лермонтова:

Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ:
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

являются отголоскомъ пережитаго имъ въ дѣтствѣ. Въ свое время, онъ не могъ выразить своей мысли такъ ясно и опредѣленно, не сложилась еще, можетъ быть, и сама мысль, но впечатлѣнія, приведшія къ ней, собирались уже тогда, отравляя горечью золотое дѣтство. И надо думать, что обыкновенныя дѣти, живущія въ обыкновенныхъ семьяхъ, гдѣ семейныя дразги и ссоры, гдѣ честолюбія и всѣ другія ненормальности мельче, не столь рѣзки, точно такъ-же, какъ Лермонтовы, Жуковскіе, Тургеневы, Кавелины, въ дѣтствѣ уже тяготятся этими неладами, питаются нездоровою пищею и дурно перевариваютъ ее, унося съ собою въ зрѣлый возрастъ то нравственное худосочіе, которое позволяетъ человѣку безъ борьбы и сомнѣній втянуться въ житейскую практику, гдѣ люди враждуютъ и мучаютъ другъ друга, либо, наоборотъ, научаешь его относиться къ подобнымъ

явленіямъ равнодушно, презирать людей и невѣрить въ добро.

Нормальное воспитаніе можетъ быть только въ нормально сложившейся и живущей семьѣ. Къ искусственнымъ мѣрамъ здѣсь приходится прибѣгать рѣдко, и онѣ не имѣютъ боевого характера. Дѣти живутъ хорошо и привыкаютъ къ хорошей жизни.

Нормальная семья живетъ дружно, потому что люди и сошлись для того, чтобы пополнить свое существованіе близостью другого лица. У каждаго свое дѣло, и одинъ другому не мѣшаетъ, а облегчаетъ, чѣмъ можетъ, трудъ. Семейная жизнь создаетъ общіе интересы, въ пониманіи которыхъ нѣтъ розни, (хотя и можетъ быть разногласіе и соглашеніе,)—въ достиженіи которыхъ нѣтъ мѣста главенству и честолюбію, а есть совѣтъ и поддержка. Горести и радости дѣлятся, невзгоды бодро переносятся, трудъ чередуется отдыхомъ, бесѣдой, общими развлеченіями. Если горячка любви миновалась, то осталась иная любовь, любовь-привычка, а главное—взаимное уваженіе. Дѣти—радость и надежда семьи. Они, повторимъ еще разъ, не первые и не послѣдніе. У нихъ есть права и первѣе всего—право быть дѣтьми. Ихъ заблужденія и ошибки осуждаются твердо, но безъ сердца. Жизнь течетъ мирно и дружно. Дѣтство уважается и съ своей стороны признаетъ права взрослыхъ, за любовь платитъ любовью, за уваженіе—уваженіемъ.

Въ нормальной семьѣ нѣтъ мѣста и тому, что мы раньше обозначили словомъ родительскій эгоизмъ. Крайнія формы такого эгоизма, вѣроятно, вызовутъ осужденіе во многихъ, но болѣе мягкія формы пройдутъ незамѣтными, потому что родительскій эгоизмъ есть явленіе, какъ намъ кажется, довольно распространенное. Я считаю себя хорошимъ человекомъ, по крайней мѣрѣ, у меня нѣтъ причинъ считать себя дурнымъ; какъ же мнѣ не желать, чтобъ и сынъ мой былъ человекъ хороший. У меня складъ ума положительный, и это не разъ служило мнѣ на пользу, создало мнѣ репутацію трезваго ума, а сынъ выходитъ какой-то фанта-

зеръ, любить сказки, стихи, какъ начнетъ разсказывать, такъ и выступаетъ пылкое воображеніе. Я общителенъ и обходителенъ, каждому скажу что-нибудь пріятное, обласкаю, а сынъ—какой-то нелюдимъ, отъ него такъ и пышетъ холодомъ, вырастетъ, такъ прямо и будетъ говорить: не миндальничайте, скажите прямо, мнѣ некогда съ вами растаривать... Я, можно сказать, не только учился, но и прожилъ на мѣдные гроши, каждую копѣйку считалъ и только благодаря этому живу теперь съ достаткомъ, а сыну, кажется, и дѣла нѣтъ, что каждая вещь стоитъ труда; чуть что заведется, подарить кому-нибудь, начнетъ дѣлиться, себѣ ничего не оставитъ. Съ такою нерасчетливостью много въ жизни не наживешь.

Стремленіе наше передѣлать дѣтей по своему образу и подобию часто вызываетъ борьбу, причиняющую ненужныя огорченія и дѣтямъ, и родителямъ, потому что она чаще всего не ведетъ ни къ чему. Натуры не переломишь. Да въ сущности ломать ее и не къ чему. Слишкомъ узко думать, что то, что дало намъ удовольствіе или даже счастье, способно осчастливить всякаго. Счастье—вещь въ высшей степени индивидуальная и оно возможно только при условіи, что человѣкъ остается самимъ собою. Въ индивидуальности же и залогъ талантливости. То, что мнѣ по душѣ, то я и дѣлаю хорошо, любовно воспитывая въ себѣ свои природныя силы и склонности.

Но часто вопросъ переносится на другую почву—почву нравственности и, конечно, для вмѣшательства родителей въ отношенія дѣтей между собою и къ взрослымъ въ такомъ случаѣ есть больше резоновъ. Но и здѣсь совѣтъ осторожности слѣдуетъ хранить въ памяти, чтобы вмѣсто морали не принять какого-либо изъ его суррогатовъ. Такъ, жизнь вырабатываетъ формы отношеній, и часто дѣти, входя въ извѣстныя отношенія, не соблюдаютъ принятыхъ формъ, потому что не чувствуютъ потребности и не привыкли еще выражать свои отношенія къ людямъ извѣстными чисто-условными тѣлодвиженіями. Дитя можетъ лю-

бить какого-нибудь дядю, но не шаркать передъ нимъ ножкой, не хлопать ему ручкой, а тѣмъ болѣе, если это чужой, съ которымъ у него не сложилось никакихъ отношеній. Но и въ болѣе интимной сферѣ, въ отношеніяхъ къ очень близкимъ людямъ, ребенокъ можетъ грѣшить противъ формъ. Любя кого-нибудь, одинъ ребенокъ ластится, охотно цѣлуетъ васъ, лезетъ къ вамъ на колѣни, тащитъ показать свои игрушки, отъ другого вы никогда не увидите внѣшнихъ выраженій любви, не добьетесь, чтобъ онъ показалъ, какъ онъ васъ любитъ, на вопросы онъ отвѣчаетъ шуткой, а между тѣмъ у него любящее сердце и онъ горячо къ вамъ привязанъ. Многое тутъ со временемъ перенимается, ко многому ребенокъ привыкаетъ, но не мало есть такого, что сохраняется навсегда, и если кому дорога искренность, тотъ помирится съ этого рода индивидуальностями и ломать ребенка не рѣшится.

Часто то, что первоначально установилось, какъ форма, и что въ свое время и считалось только внѣшнимъ знакомъ, съ теченіемъ времени обращается въ обычай, смыслъ котораго забыть, и люди привыкаютъ считать это внѣшнее проявленіе самою нравственностью. Среди обычаевъ старины есть много прекрасныхъ, но наблюдая общественную жизнь, часто видишь, что и они выходятъ изъ употребленія. Новая жизнь создаетъ новыя формы, замѣняя ими старыя, а иногда и просто упраздняя ихъ. Держась у себя въ семьѣ старинныхъ обычаевъ, всегда слѣдуетъ соображаться съ внутренними побужденіями протестующей молодежи и рѣшать, стоитъ ли изъ-за нихъ воевать, не выживаютъ ли они, не резонно ли молодость отвергаетъ ихъ, чтобы стоять только за то, за что стоитъ стоять, и во всякомъ случаѣ не переносить вопроса на нравственную почву тамъ, гдѣ ее, можетъ быть, и нѣтъ. Наши давніе предки стояли за бороду, наши предшественники также крѣпко постояли за дѣвичьи косы, увидѣвъ въ обрѣзываніи косъ дѣвушками и женщинами проявленіе какого-то безстыдства, а не простое желаніе облегчить свою куафюру, потому что время

дорого для занятій. Само собою разумѣется, что борьба за обычаи разгорается обычно позже, но она можетъ быть подготовлена и въ дѣтской, въ дошкольномъ возрастѣ, стремленіемъ приучать дѣтей къ тѣмъ обычаямъ, которые установились среди взрослыхъ и въ данное время уже утратили свою прежнюю устойчивость.

Что касается собственно нравственной оцѣнки отношеній дѣтей между собою и ко взрослымъ, то она и естественна, и желательна, по скольку она дѣлается по существу и примѣнительно къ дѣтскому разумѣнію и силамъ. Твердыя нравственныя убѣжденія въ родителяхъ весьма желательны и они вполне уживаются съ терпимостью къ индивидуальности людей, съ различеніемъ формы отъ существа, обычая отъ нравственного требованія. Нравственное убѣжденіе должно служить руководящимъ началомъ, исходя изъ котораго мы судимъ и о себѣ, и о людяхъ. Оно не нивелируетъ людей, не убиваетъ натуры, а является равноправнымъ съ голосомъ инстинкта, совѣсти, непосредственного чувства, сдерживая ихъ проявленіе, подвергая оцѣнкѣ и укрѣпляя или ослабляя то рѣшеніе, которое подсказывается натурою. Нравственно убѣжденный человѣкъ оставляетъ и ребенку право быть самимъ собою, но своимъ словомъ побуждаетъ вносить въ свои рѣшенія еще лишній мотивъ оцѣнки своихъ душевныхъ движеній. Не слѣдуетъ только ожидать, что онъ такъ сразу и оцѣнитъ, и подчинится вашему мотиву. Вопросъ въ привычкѣ задумываться надъ своими дѣйствіями, принимать во вниманіе впечатлѣніе, которое наши дѣйствія производятъ на тѣхъ, на кого они направлены, словомъ, въ привычкѣ работать надъ собою, владѣть собою, которая приобрѣтается не легко, можетъ быть—годами.

Х.

Намъ осталось поговорить о тѣхъ ближайшихъ родственникахъ мужа или жены, которые живутъ подъ одною семейною кровлею съ послѣдними, о дѣтяхъ болѣе зрѣлаго возраста и пр.

Выдѣлимъ сперва первыхъ. Существованіе въ семьѣ родныхъ (дѣдушки, бабушки, дядей, тетокъ и пр.) можетъ имѣть и хорошія, и дурныя стороны, но чуть ли вторыя не чаще встрѣчаются, чѣмъ первыя. Намъ случилось слышать, какъ старикъ-отецъ, благословляя сына на бракъ, далъ ему совѣтъ: „никого не бери въ семью, ни папашу, ни мамашу; какъ жить съ женой — твое дѣло, а только, чтобы третьи лица между вами не путались. Добра отъ нихъ мало бываетъ, повѣрь старику“. Собственный опытъ старика привелъ его къ нѣскольکو рѣшительному выводу, и, можетъ быть, приговоръ его слѣдовало бы смягчить; но во всякомъ случаѣ слова его, вѣроятно, во многихъ вызовутъ сочувственную улыбку.

Намъ кажется, что каждому, входящему въ чужую семью для сожительства съ нею, слѣдовало бы помнить русскую пословицу: въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ. Ради воспитанія дѣтей, которое такъ много значитъ для родителей, имъ надлежитъ послѣдовать указанію пословицы самымъ искреннимъ образомъ, занять въ семьѣ второе мѣсто и обречь себя на помощь отцу и матери. Тогда отъ нихъ семья получитъ добро. Матери легче, если есть въ семьѣ лицо, любящее дѣтей, съ которымъ можно отпустить дѣтей гулять, которая поможетъ пошить, что нужно, посидитъ у постели больного ребенка. Тысячи мелкихъ услугъ могутъ быть оказаны матери, и за каждую она будетъ благодарна. Съ другой стороны, этого рода пособничество матери совершенно въ духѣ того трудового и сердечнаго сожительства, какое рисуется каждому при представленіи нормальной семьи и которое такъ благотворно воспитываетъ дѣтей. Конечно, эти лица могутъ вносить въ семью нѣчто свое, ибо у cadaго изъ нихъ свои вкусы, свои привычки и потребности, и это не только не бѣда, но даже и хорошо. Пусть ребенокъ испытываетъ разнообразныя впечатлѣнія, сталкивается съ разными характерами, видитъ, что люди разномыслятъ и спорятъ, разное любятъ, лишь бы общій тонъ отношеній былъ дружественъ, чуждъ соперничества,

вражды, обмана, интригъ и всего такого, что не входитъ въ обиходъ „золотого дѣтства“.

Къ сожалѣнію, мы не мастера находить ту границу, гдѣ самостоятельность начинаетъ сталкиваться съ требованіями общежитія. Дядюшка, у котораго еще нѣтъ своихъ дѣтей, относится нѣсколько иронически къ педантичности, мелочности материнскаго поведенія и часто бравируетъ на эту тему при дѣтяхъ. Другой видитъ въ дѣтяхъ потѣху, говоритъ съ ними въ какомъ-то особомъ тонѣ или дразнить ихъ, вмѣшиваясь въ игру и растранивая ее, сочиняя небылицы и т. п., пока не доведетъ ребенка до какой-нибудь выходки, за которую его поставятъ въ уголъ. Мало ли какихъ шутниковъ не бываетъ.

Старѣйшее поколѣніе точно также рѣдко поселяется въ семьѣ безъ задней мысли руководить неопытныхъ супруговъ въ ихъ трудномъ дѣлѣ. Опытность — великое дѣло, и за благой совѣтъ, конечно, каждый скажетъ спасибо. Но у старыхъ людей обыкновенно бываетъ сильна потребность въ руководящей роли, въ почтеніи и послушаніи. Они рѣдко соображаютъ, что то, что было умѣстно въ ихъ время, совсѣмъ не пригодно спустя 20—30 лѣтъ, и въ большинствѣ рѣчь ихъ идетъ не столько объ идеяхъ, сколько о пріемахъ, воспитательныхъ мѣрахъ, которымъ они придаютъ самое серьезное значеніе. Многое множество недоразумѣній и столкновеній происходитъ въ семьяхъ между родителями и кѣмъ-либо изъ старѣйшаго поколѣнія на почвѣ этого рода руководящихъ вмѣшательствъ. Иные прямо берутъ на себя роль педагога-цензора и пытаются передѣлывать то, что родителями сдѣлано, по ихъ мнѣнію, не хорошо. Если имъ кажется, что дѣтей воспитываютъ сурово, то они балуютъ ихъ; если родители, по ихъ мнѣнію, балуютъ, то они парализуютъ его—суровыми или ядовитыми словами, обращаемыми къ дѣтямъ. Этотъ разладъ неминуемо отражается на дѣтяхъ, потому что мать часто попадаетъ въ двусмысленное положеніе. Старѣйшее поколѣніе безпрестанно обижается на дѣтей, не видитъ должнаго почтенія

и пр. Мать боится уронить его авторитетъ, и ребенокъ зачастую оказывается безъ вины виноватымъ.

Если этого порока нѣтъ, и старѣйшее поколѣніе признаетъ, что оно живетъ въ чужомъ монастырѣ, то, конечно, оно можетъ быть очень полезными членами семьи.

Читателю, вѣроятно, уже ясно, на какой точкѣ зрѣнія мы стоимъ относительно всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ семьѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ воспитаніи дѣтей они только помощники родителей. Тѣ, кто не способенъ къ этой роли, въ дѣтскую не допускаются. Нельзя не признать безсмысленнымъ обычай показывать дѣтей гостямъ, которымъ нѣтъ никакого дѣла до дѣтей, или которые могутъ быть вредны по своимъ рѣчамъ, манерѣ обращаться и т. п. Только тѣ, кто желанный гость для самихъ дѣтей, кто радъ и поиграть, и поговорить съ ними, только тѣ и должны быть допускаемы въ дѣтское общество.

Прислуга, не приставленная къ дѣтямъ, тоже можетъ быть допускаема къ нимъ только тогда, когда внушаетъ родителямъ довѣріе къ себѣ.

Въ семьяхъ могутъ быть взрослые дѣти. Они живутъ въ семьѣ по праву, и положеніе ихъ среди другихъ дѣтей опредѣляется ихъ кровными связями. Нечего и говорить, насколько желательна полнота семьи, гдѣ у малолѣтнихъ дѣтей, кромѣ родителей, есть и старшіе братья и сестры. И намъ опять-таки рисуется, что въ дружной семьѣ эти взрослые сыновья и дочери, чѣмъ могутъ, помогаютъ матери. Кто обшиваетъ дѣтей, кто ихъ обучаетъ, кто мастерить игрушки и этою самою помощью обнаруживаетъ, что семья живетъ и работаетъ дружно.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ УКАЗАНІЯ.

В. Я. Стоюнинъ. Наша семья и ея историческія судьбы. Въ его „Педагогическихъ сочиненіяхъ“. Спб. 1892.

Е. Конради. Исповѣдь матери. Спб. 1876.
